Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/satanizmmartsyba00mosk

ОБРАЗЫ САТАНИЗМА

М.П.АРЦЫБАШЕВЪ — Н.Я.АБРАМОВИЧЪ
БАРБЬЕ Д'ОРЕВИЛЬИ и ДР.

ИЗД. „ЗАРЯ"
МОСКВА. 1913 Г.

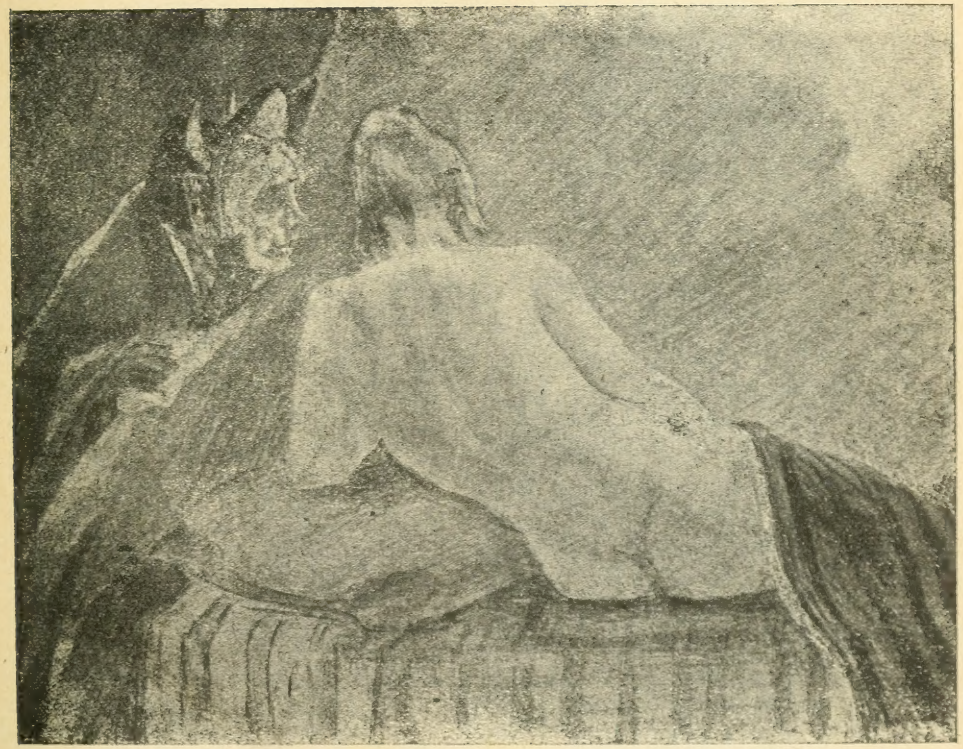
Книгоизд-во „ЗАРЯ“.
Москва—1913 г.

L
52532

Satanizm
III

Сатанизмъ

М. Арцыбашевъ, Н. Абрамовичъ,
Пшибышевскій, Брюсовъ,
Сологубъ, д'Оревильи и др.



556632
2-2-53

М. Арцыбашевъ
Очеркъ „Идея Дьявола“.

Бодлеръ
„Искушенія или Эросъ, Плутосъ и Слава“.

Валер. Брюсовъ
„Женщинѣ“.

Пшибышевскій
„Стезею Каина“.

Маковскій
„Пѣсни Астартѣ“.

Н. Муравьевъ
„Поэма юности Абеляра“.

Брюсовъ
„Ламія“.

Маннъ
„Прогулка за ворота“.

Ал. Вознесенскій
„Лиловый чертенокъ“.

Арцыбашевъ
Разсказы о великомъ знаніи.

Сологубъ
Стихи.

д'Оревильи
„Изнанка партіи въ вистъ“.

Сологубъ
Стихи.

Лагерлефъ
„Семь грѣховъ“.

Пшибышевскій
„Синагога сатаны“.

Н. Абрамовичъ
Художники сатанизма.

Ал. Вознесенскій
„Та, которую я люблю“...

Гумилевъ
„Влюбленность дьявола“.

Иллюстраціи Фелисіена Ропса.
Обложка Петра Аѳанасьева.

Сатанизмъ

ИДЕЯ ДЬЯВОЛА

М. П. АРЦЫБАШЕВЪ

Очеркъ.

Идея Дьявола должна была родиться ранѣе иден Бога, ибо враждебныя силы природы, конечно, должны были смутить робкій умъ первобытнаго человѣка, непрерывно, со дня рожденія испытывающаго на себѣ ихъ удары. Прежде должно было создаться представленіе о какой-то злой волѣ, стремящейся къ уничтоженію человѣка, чѣмъ о доброй, созидающей смыслъ и счастье его жизни.

Можно проникнуть въ глубь вѣковъ, раскопать всѣ человѣческія могилы, прослѣдить возникновеніе и развитіе религіозныхъ представленій отъ начала до конца, и все-таки многое въ нихъ останется темнымъ и непонятнымъ.

И, конечно, всегда останется непостижимой безсмыслицей, какимъ образомъ многое изъ того, что не только не враждебно человѣку, но, напротивъ, даетъ ему наслажденіе, радость и смыслъ бытія, даетъ и самое бытіе, стало пониматься людьми, какъ нѣчто исходящее отъ злого духа, отвратительное и порочное.

Какимъ таинственнымъ путемъ хитроумныхъ сплетеній безсознательной лжи и сознательнаго фарисейства дѣло любви, дѣло связи мужчины и женщины, отца и матери, стало позорнымъ тайнымъ актомъ? Какимъ образомъ и чувственность, этотъ единственный и могучій факторъ творческой жизни, служащій источникомъ жизни, была признана омерзительной тайной, порокомъ и оказалась запрятанной въ самые сокровенные уголки, чуть ли не наравнѣ съ самыми дѣйствительно отвратительными и зловонными естественными отправленіями?

Не отъ незнанія результатовъ, добытыхъ путемъ историческихъ изслѣдованій, задаю я себѣ эти вопросы. Нѣтъ, факты остаются фактами, ихъ логическая послѣдователь-

ность мнѣ достаточно хорошо извѣстна, и вплоть до трагической борьбы съ плотью мрачной религіи рабовъ и трусовъ я ясно представляю себѣ весь тотъ кривой путь, по которому прошелъ умъ человѣка, чтобы совершить невозможное: напасть на самого себя сзади, возстать противъ своего существа, добровольно мучить и угнетать свое тѣло, внести раздоръ въ свое недѣлимое я.

И, несмотря на знаніе это, мнѣ все-же остается непонятнымъ, какъ могъ человѣкъ повѣрить своимъ измышленіямъ и бить себя самого по ланитамъ только за то, что онъ есть онъ, такой, какъ есть, а не иной, такой, какимъ онъ только и можетъ существовать.

Съ прекращеніемъ чувственности изсякаетъ источникъ жизни вообще, съ прекращеніемъ ея въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ потухаютъ и умираютъ всѣ его творческія способности, смерть чувственности есть уже начало смерти и духовной и физической, разрушеніе человѣческаго существа. Проклятіе чувственности равносильно проклятію жизни, проклятію той землѣ, на которой мы стоимъ, и все-таки человѣкъ рѣшился проклясть ее.

Но такъ какъ инстинктъ жизни неистребимъ, то, проклявъ свое тѣло, человѣкъ пошелъ на чудовищнѣйшій изъ всѣхъ компромиссовъ—на сознательную ложь, на сознательное закрываніе глазъ на то, что есть. Онъ пошелъ дальше, признавая чувственное влеченіе половъ грѣховнымъ, исходящимъ отъ дьявола, онъ насильственно повелъ его подъ благословеніе Бога и сталъ отдѣлять козлищъ отъ овецъ, накладывая свое цензурное клеймо, налагая таможенную пошлину на каждую пару тѣлъ, проходящихъ черезъ порогъ церкви.

Нѣтъ ничего безсмысленнѣе и омерзительнѣе такъ-называемаго законнаго брака, въ коемъ допускается хотя бы и самый извращенный развратъ, но лицемѣрно предполагается какое-то маргариновое цѣломудріе.

Каждый человѣкъ, полюбившій женщину, знаетъ, что прежде всего, раньше, чѣмъ онъ фактически можетъ узнать ея душу, онъ испытываетъ влеченіе къ ея тѣлу! Каждый мужъ знаетъ, что онъ не можетъ приступить къ своей женѣ только во имя рожденія новаго человѣка, что безъ сильнаго чувственнаго влеченія къ ея тѣлу онъ и не можетъ овладѣть ею и заложить въ нее сѣмя новой жизни. И тѣмъ не менѣе онъ усиленно прячетъ это влеченіе отъ всего міра и, когда говоритъ о чувственности внѣ своей спальни, обливаетъ ее помоями презрѣнія и отвращенія.

Величайшимъ произведеніемъ поэтическаго творчества всегда было и остается изображеніе любви, созданіе образа вѣчной возлюбленной, Луары, Дульцинеи и Беатриче, изъ которой должна выйти жена, мать новой жизни, Ева. Но истинно поэтическимъ произведеніемъ почитается только такое, въ которомъ истинный смыслъ любви тщательно скрытъ, въ которомъ Лаура не имѣетъ пола, въ которомъ она—только безтѣлесный образъ какой-то таинственной красоты. И величайшимъ оскорбленіемъ святыни кажется всѣмъ срываніе съ тѣла возлюбленной покрывала, обнаруженіе въ этомъ неизвѣстно какъ и для чего существующемъ ангелѣ женской сущности—жены и матери.

Признавая слово мать святымъ символомъ, человѣчество ухитрилось обойти въ этой канонизаціи всю сущность материнства, и даже отъ дѣтей ея оно старалось до послѣдней возможности скрыть эту сущность, въ какой-то непостижимой наивности предпочитая глупую сказку объ аистѣ, приносящемъ младенцевъ, лишь бы не сказать правду, и предполагая, что если ребенокъ узнаетъ, какимъ образомъ отецъ и мать стали его отцомъ и матерью, какимъ образомъ онъ самъ—ребенокъ—сталъ ребенкомъ, онъ долженъ отвратиться отъ нихъ.

И какъ всякая ложь, эта—ужаснѣйшая изъ всѣхъ, породила милліоны терзаній, породила бездну пороковъ,

проституцію, развратъ, законный и незаконный браки, выкидыши, убійство дѣтей, вражду между мужчиной и женщиной, ревность, убійство соперниковъ и соперницъ, сугубую ложь, ложь на лжи, фальшь на фальши.

И въ концѣ-концовъ породила Сатанизмъ—протестъ противъ Бога, вдругъ оказавшагося поперекъ дороги къ радости и наслажденію, и поклоненіе Дьяволу—покровителю свободнаго наслажденія и свободной радости бытія.

Богъ аскетовъ, кастратовъ и евнуховъ мысли оказался въ борьбѣ со всей сущностью человѣческой жизни, ибо его насильно сдѣлали такимъ Богомъ. Ему навязали роль, извѣчно принадлежащую Дьяволу, роль враждебной человѣку силы, а покровителемъ наслажденій и радости сдѣлали врага—Дьявола. И, запутавшись въ безконечной путаницѣ лжи, дошли до того, что лучшаго изъ пророковъ заставили благословлять дѣтей—порожденіе чувственности, и проклинать ту любовь, плодомъ которой, и только ея, являются эти же дѣти.

И жалкое, безсмысленное и убогое зрѣлище представляютъ тѣ художники и поэты, которые, не будучи въ силахъ протестовать противъ этой лжи, запутавшись въ ея противорѣчіяхъ, убили громадныя силы свои, колоссальныя творческія силы на то, чтобы или устранить изъ жизни, какъ нѣчто грѣховное и грязное, все касающееся чувственности, или заклеймить ее сатанинскими красками, изображеніемъ въ мрачной и отталкивающей формѣ.

До тѣхъ поръ, пока не совершится обратное прохожденіе по пройденному кривому пути, пока не раскрѣпостится плоть, пока человѣчество не взглянетъ въ глаза правдѣ жизни, пока не будутъ роли Дьявола и Бога правильно распредѣлены между добромъ и зломъ, до тѣхъ поръ чувственность, эта радость жизни, одна изъ главныхъ и немногихъ радостей человѣка на землѣ, будетъ служить источникомъ величайшихъ страданій.

Теперь мы преслѣдуемъ и проклинаемъ, забрасываемъ камнями тѣхъ немногихъ, у которыхъ хватаетъ силы и смѣлости, вопреки всѣмъ идти по пути этого раскрѣпощенія. Мы изобрѣтаемъ для нихъ презрительныя клички, изгоняемъ ихъ изъ среды истинныхъ художниковъ, наваливаемъ кучи препятствій на ихъ тяжелой дорогѣ, убѣждаемъ тупыхъ и глупыхъ людей, что эти борцы за счастье человѣческое, за радость бытія—ихъ враги, развратители и убійцы духа.

Но настанетъ время, когда освобожденное отъ гнета фальши человѣчество, стоя на открытой дорогѣ къ радости жизни, свободно созерцающее и воспринимающее красоту человѣка въ гармоніи духа и тѣла, вспомнитъ и благословитъ имена, нынѣ покрытыя позоромъ и насмѣшками. Оно признаетъ ихъ истинными борцами за жизнь, служителями истиннаго Бога, Бога радости, наслажденія и счастья.

М. Арцыбашевъ.

ИСКУШЕНІЯ

или Эросъ, Плутосъ и Слава.

Ш. БОДЛЕРЪ

Два великолѣпныхъ Дьявола и столь же необычайная Дьяволица поднялись прошлой ночью по таинственной лѣстницѣ, которая служитъ Аду для его нападеній на слабость спящихъ людей и для тайныхъ сношеній съ ними. И они кичливо расположились предо мной, словно на эстрадѣ. Отъ всѣхъ трехъ исходило сѣрнистое сіяніе и выдѣляло ихъ на непроницаемомъ фонѣ ночи. Видъ у нихъ былъ столь гордый и полный сознанія власти, что я сначала принялъ ихъ всѣхъ трехъ за настоящихъ Боговъ.

Лицо перваго Сатаны было неопредѣленнаго пола, и линіи его тѣла являли изнѣженность древнихъ Вакховъ. Его прекрасные томные глаза неопредѣленно-темнаго цвѣта походили на фіалки, еще отягченныя крупными слезами грозы, а полуоткрытыя губы—на раскаленныя курильницы, источавшія сладкое благоуханіе, и при каждомъ его вздохѣ мускусныя мошки, порхая, вспыхивали отъ знойности его дыханія.

Вокругъ его пурпурной туники, играя переливами, въ видѣ пояса обвивалась змѣя; приподнявъ голову, она томно обращала къ нему свои глаза—два раскаленные угля. На этомъ живомъ поясѣ висѣли, чередуясь съ флаконами, полными зловѣщихъ жидкостей, блестящіе ножи и хирургическіе инструменты. Въ правой рукѣ онъ держалъ другой флаконъ съ красной свѣтящейся жидкостью и слѣдующей странной надписью: «Пейте, это кровь моя, превосходное укрѣпляющее средство»; а въ лѣвой у него была скрипка, безъ сомнѣнія, чтобы воспѣвать свои радости и страданія и распространять въ ночи шабаша заразу своего безумія.

На его изящныхъ ногахъ влачилось нѣсколько звеньевъ золотой разорванной цѣпи, и когда причиняемое ими стѣсненіе вынуждало его опускать глаза въ землю, онъ кичливо

любовался ногтями своихъ ногъ, блестящими и гладкими, какъ тщательно отшлифованные драгоцѣнные камни.

Онъ посмотрѣлъ на меня своими безутѣшно-скорбными глазами, струившими предательское опьянѣніе, и сказалъ пѣвучимъ голосомъ: «Если ты хочешь, если хочешь, я сдѣлаю тебя властителемъ душъ, и живая матерія будетъ тебѣ послушна въ большей мѣрѣ, чѣмъ можетъ быть послушной ваятелю его глина; и ты познаешь непрестанно возрождающуюся радость выходить изъ границъ себя самого, чтобы забываться въ другихъ, и привлекать къ себѣ души другихъ, чтобы сливать ихъ со своею».

И я отвѣтилъ ему: «Покорно благодарю!» Мнѣ нечего дѣлать со всѣмъ этимъ хламомъ существъ, стоящихъ, конечно, не больше, чѣмъ мое бѣдное Я. Хотя мнѣ и стыдно бываетъ вспоминать, все-же я ничего не хочу забыть, и если бы я даже не зналъ тебя, старое чудовище, то твои загадочные ножи, твои подозрительные флаконы, цѣпи, опутывающія твои ноги,—всѣ эти символы достаточно ясно говорятъ о неудобствахъ твоей дружбы. Оставь при себѣ свои дары».

У второго Дьявола не было ни этого одновременно трагическаго и улыбающагося вида, ни этихъ изящныхъ вкрадчивыхъ манеръ, ни этой нѣжной, благоуханной красоты. Это былъ огромный мужчина съ широкимъ безглазымъ лицомъ; его грузное брюхо тяжело нависало на бедра, а позолоченная кожа, какъ бы татуированная, была вся разрисована множествомъ маленькихъ подвижныхъ фигурокъ, изображавшихъ многообразіе міровой нищеты. Здѣсь были изсохшіе человѣчки, добровольно повѣсившіеся на гвоздѣ; здѣсь были маленькіе, тощіе, безобразные гномы, умоляющіе глаза которыхъ еще краснорѣчивѣе взывали о подаяніи, чѣмъ ихъ дрожащія руки; были старыя матери съ недоносками, повисшими на ихъ истощенныхъ сосцахъ. Много тамъ было еще и другихъ.

Толстый Дьяволъ ударялъ кулакомъ по своему огромному животу, откуда раздавался тогда протяжный и гулкій звонъ металла, заканчивавшійся глухимъ стономъ, слитымъ изъ безчисленнаго множества человѣческихъ голосовъ. И онъ хохоталъ, безстыдно обнажая свои гнилые зубы, тѣмъ раскатистымъ глупымъ смѣхомъ, какимъ хохочутъ во всѣхъ странахъ свѣта иные люди послѣ слишкомъ плотнаго обѣда.

И этотъ сказалъ мнѣ: «Я могу дать тебѣ то, чѣмъ достигается все, что стоитъ всего, что замѣняетъ все». И онъ хлопнулъ себя по чудовищному животу, звонкое эхо котораго послужило поясненіемъ его грубой рѣчи.

Я отвернулся съ омерзѣніемъ и отвѣтилъ: «Я не нуждаюсь для моей радости въ ничьей нищетѣ; и я не хочу богатства, отягченнаго печалью всѣхъ бѣдствій, изображенныхъ на твоей кожѣ, какъ на обояхъ!»

Что же касается Дьяволицы, то я солгалъ бы, утаивъ, что на первый взглядъ я нашелъ въ ней какое-то странное очарованіе. Я не сумѣю лучше опредѣлить его, какъ сравнивъ съ прелестью увядающихъ красавицъ, которыя однако болѣе не старѣютъ и красота которыхъ хранитъ въ себѣ все пронизывающее обаяніе руинъ. У нея былъ повелительный и вмѣстѣ съ тѣмъ вялый видъ, а глаза ея, хотя обведенные синевой, таили приковывающую силу. Но что меня болѣе всего поразило, это тайна ея голоса, въ которомъ я находилъ напоминанія о самыхъ восхитительныхъ контральто, а также легкую хрипоту глотокъ, безпрерывно промываемыхъ водкой.

«Хочешь ли узнать мое могущество?—сказала эта мнимая богиня своимъ чарующимъ и въ то же время противорѣчивымъ голосомъ.—Такъ слушай!»

Она приложила къ губамъ гигантскую трубу, разукрашенную, подобно деревенскимъ флейтамъ, лентами съ названіемъ газетъ всего міра, и прокричала въ нее мое имя, которое прокатилось въ пространствѣ съ грохотомъ сотни

тысячъ громовъ и вернулось ко мнѣ, повторенное эхомъ самой дальней планеты.

«Чортъ возьми!—воскликнулъ я, наполовину покоренный.—Вотъ это-таки драгоцѣнно!» Но, когда я вглядѣлся внимательнѣе въ мужеподобную обольстительницу, мнѣ смутно показалось, что я уже зналъ ее раньше, видѣлъ, какъ она чокалась съ кое-какими шутами изъ моихъ знакомыхъ, и хриплый звукъ мѣдной трубы донесъ до моихъ ушей воспоминаніе о какой-то продажной сплетницѣ.

И я отвѣтилъ, собравъ все свое презрѣніе: «Уйди! Я не способенъ взять въ жены любовницу иныхъ людей, которыхъ не хочу называть!»

Поистинѣ я имѣлъ право гордиться такимъ мужественнымъ отреченіемъ. Но, къ несчастью, я проснулся, и всѣ мои силы покинули меня. «Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я себѣ,—крѣпко же я долженъ былъ спать, чтобы высказать такую щепетильность. О! если бы они могли вернуться теперь, когда я не сплю, я не былъ бы уже такъ разборчивъ!»

И я сталъ громко призывать ихъ, умоляя простить меня, предлагая имъ позорить меня, сколько будетъ нужно, чтобы заслужить ихъ благоволеніе; но, очевидно, я жестоко оскорбилъ ихъ, ибо они никогда болѣе не возвращались.

Ш. Бодлеръ.

В. БРЮСОВЪ.

ЖЕНЩИНѢ.

Ты—женщина, ты—книга между книгъ,
Ты—свернутый, запечатлѣнный свитокъ;
Въ его строкахъ и думъ и словъ избытокъ,
Въ его листахъ безуменъ каждый стихъ.
Ты—женщина, ты—вѣдьмовскій напитокъ!
Онъ жжетъ огнемъ, едва въ уста проникъ;
Но пьющій пламя подавляетъ крикъ
И славословитъ бѣшено средь пытокъ.
Ты—женщина, и этимъ ты права.
Отъ вѣка убрана короной звѣздной,
Ты—въ нашихъ безднахъ образъ божества!
Мы для тебя влечемъ яремъ желѣзный,
Тебѣ мы служимъ, тверди горъ дробя,
И молимся—отъ вѣка—на тебя!

СТЕЗЕЮ КАИНА.

СТ. ПШИБЫШЕВСКІЙ.

ФРАГМЕНТЫ.

Тамъ, предъ ними, въ пламени меча Архангелова, пылалъ, словно разлившееся солнце, ихъ Рай...

Лопнули обручи, страшное пламя разлилось по небу, вскипало бурлящими валами, стекало по небу огненной лавой, взметало пучины огня,—и глубоко, туда, за югъ, уходили кровавые языки пламени, лизавшіе черную бездну ночи.

Словно міръ весь пылалъ!

Опершись о камень, что одинъ среди этой пустыни былъ свидѣтелемъ допотопныхъ безумствъ, сидѣлъ человѣкъ—и у ногъ его лежала женщина безъ чувствъ.

И человѣкъ подперъ обѣими руками голову,—чело его изрыли глубокія борозды, а глаза, что отъ безумнаго отчаянья и боли почти выступили изъ орбитъ, глядѣли впередъ на страшный пожаръ.

Ихъ рай, ихъ рай!

Громы ударили въ него, волосы дыбомъ вставали къ небу, словно пылающій лѣсъ; спину его хлестали бичи молній небесныхъ,—а онъ, какъ гадъ, припалъ къ вратамъ утраченнаго Рая—и глаза его пронзали ночь...

Душой своей онъ выросъ до огромности Перваго

Солнца, что, ослѣпши отъ свѣта и блеска, возгорѣвшись божественной мощью, превышающей Бога (ибо Бога оно создало изъ себя), въ мощи своей разлилось потолкомъ огня надъ мертвенной землей.

И въ этомъ кровавомъ пожарѣ, какъ пламенные вѣстники восходящаго солнца—волосы ея, и въ пылающемъ зарева міра словно расцвѣтшая роза лицо ея,—такое чистое, такое тихое, такое ясное...

Напрасно, напрасно!

Онъ утонулъ своей душою въ безбрежности извѣчной Пустоты того Мрака и Тишины, когда еще суша не отдѣлилась отъ воды, когда кружило въ хаосѣ Первоначало—въ отчаянныхъ безумствахъ зачатія, въ бурѣ и ураганахъ жажды: проявить себя.

Для нея настилалъ онъ изъ небесной лазури ложе отдохновенія, ея пробужденіе привѣтствовалъ онъ пышностью разсвѣтовъ и, укладывая ее ко сну, окутывалъ чарами сумерокъ, лучезарными чудесами ночи, черными флерами безумныхъ упоеній...

Напрасно, напрасно!

Въ безумной мощи его была сила Бога, что воскресилъ жизнь и всѣ созданія, возсѣлъ на цѣпяхъ горъ и небо изорвалъ въ клочья, разлился силою своею по водамъ морей и впиталъ въ себя лазурь, распростерся на звѣздахъ—и небо, міріады звѣздъ его сдѣлалъ для нея искрящейся игрушкой.

Напрасно, напрасно!

Лицо ея блѣднѣло, утихало, гасло...

Ея испуганные глаза, широко открытые ужасомъ, глядѣли на страшное безуміе пылающаго Рая.

— Видишь его?—шепнула она побѣлѣвшими устами.

Глаза его покрылись пеленой, ибо блескъ, исходившій отъ меча Архангелова, подобный сверканью огненной купины, ослѣплялъ ихъ мощь.

Голова его повисла, какая-то непостижимая сила вытянула его тѣло, руки въ крестъ—и страшнымъ стономъ дышала грудь его:

Архангелъ!

Архангелъ, Ты, сильнѣйшій въ сонмѣ ратей небесныхъ, —Ты—мой Грѣхъ?

Ты, стоящій на наивысшей ступени лѣстницы небесной, Ты—только Преступленіе мое и болѣе ничто?

— Забудемъ!..—рыдала женщина,—забудемъ!..

Ха! ха! ха!.. Забыть!..

Авель! Авель! Зачѣмъ я долженъ былъ убить тебя?!

Былъ ты тихъ и сладокъ, когда говорилъ со мной; ты словно прощенья просилъ у меня за то, что осмѣлился прервать глухое молчанье моей души. Когда ты касался моей руки, словно боялся ты разнуздать во мнѣ невѣдомыя и скрытыя отъ тебя силы, страшныя для меня и преступныя...

Зачѣмъ же взялъ ты въ жены ту, кого я любилъ?

О, мука моихъ вспоминаній постылыхъ!
Страданій мучительныхъ адская память!..

Помню, когда я подкрадывался къ вашему шалашу, очами души прорывался я сквозь толстыя кожи кровли и видѣлъ, какъ ласкалъ онъ тебя и прижималъ къ себѣ, какъ пылающими устами раскрывалъ розу твоего тѣла!

А твои глаза, устремленные куда-то вдаль—а душа твоя, блуждавшая въ пространствахъ—а тѣло твое—чужое, словно оно тебѣ не принадлежало...

Куда же отлетала твоя тоска? Гдѣ кружили широкія крылья желаній твоихъ? За кѣмъ гнались глаза, освобожденные отъ узъ тѣла?

Помню, какъ огонь боли испепелялъ мою душу, какъ безуміе скрутило мозгъ мой, словно мокрую ткань!..

Я хотѣлъ оторваться и не могъ двинуться съ мѣста; страшная тяжесть обрушилась на меня, и, какъ острый ножъ, прибило меня отчаянье къ землѣ.

И въ душѣ моей шепталъ Сатана:

— Любовь, агнецъ божій, ты, что очищаешь грѣхи міра, святой Гизонъ, что омываешь душу отъ всякихъ винъ и всякихъ каръ, подай мнѣ силы!

— «Не пожелай жены ближняго твоего!»'— гремѣлъ гласъ Іеговы въ громахъ Синая—

А жена сія—жена брата твоего!..

Волосы встали дыбомъ; я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ человѣкъ, которому показываютъ орудія страшнѣйшихъ пытокъ... Любовь, сила, возводящая Бога на тронъ и низвергающая Его въ прахъ, обращающая раи въ пустыни и творящая раи новые, стократъ прекраснѣе—ужели Ты не сильнѣе заповѣдей Его?—

. . . . . .

Его сладостные глаза!

Глаза его были—охъ, какъ это выразить?..

Его глаза проникали насквозь—казалось, нѣтъ такой толстой стѣны, которой бы они не пронзили,—нѣтъ такой затвердѣвшей души, которая не растворилась бы въ ихъ божественномъ свѣтѣ,—нѣтъ такого сердца, которое не билось бы громкимъ эхо и не кричало:

Я Твое, о, Господи!

Какъ песъ, прильнулъ я къ его ногамъ, изъ глазъ его пилъ я сладчайшій медъ освобожденія, искупленіе кровавой моей вины; каждое слово его было для меня блаженною лаской и залогомъ жизни на лонѣ Того, Кто есть, былъ и будетъ...

Магдалина! Магдалина!

Ты видѣла меня тогда?

О, если бы я никогда тебя не зналъ!

Душа моя была бы спасена, сердце мое было бы умиротворено и освобождено отъ тяжести братоубійства...

Замолкъ.

Съ такою тяжестью не свалилась въ долину ни одна горная вершина, съ какою глава его упала на выпрямленные желѣзные пальцы рукъ. Они согнулись подъ ея бременемъ, и она упала на колѣни. Опустилась на землю.

— Іуда! Іуда!—въ ужасѣ кричала женщина.

— Брата убилъ ты, Спасителя предалъ!.. Гдѣ же рай мой, гдѣ избавленіе?

Онъ очнулся, взглянулъ вокругъ холоднымъ взоромъ, холоднымъ удивленнымъ взоромъ, точно очнулся послѣ тысячелѣтняго сна.

Каинъ!? Іуда?!

А! Помню, помню!

Вскочилъ.

Покажи мнѣ траву, по которой ступали ноги его, чтобы могъ цѣловать я каждую былинку, покажи мнѣ отпечатокъ ноги его на липкой глинѣ, по которой онъ шелъ, чтобы я могъ припасть къ ней губами и пить святое, покаянное наслажденіе.

Магдалина! Магдалина!

Не иди туда, не иди!—кричало сердце мое.

Но я не смѣлъ сказать этого громко. Еще не видѣли тебя мои глаза, а я уже вдыхалъ ароматъ твоихъ ослѣпительныхъ объятій, видѣлъ гибкую лозу твоего тѣла, ласкалъ дрожащими руками это чудо, обнажалъ тебя,—моя святая, прекрасная сладчайшая, возлюбленная.

А ты хочешь теперь бросать мнѣ въ глаза проклятія, впиться руками, опьяненными отчаяньемъ, въ мое тѣло...

Ха, ха, ха!

О, какъ прекрасна была ты, возлюбленная моя!

Говорить тебѣ объ этомъ?

Нѣтъ, нѣтъ!

Ты умерла вмѣстѣ съ нимъ! Я постылъ и противенъ тебѣ!

Знаю, знаю!

Ты припала къ его могилѣ. Вмѣстѣ съ нимъ ты празднуешь праздникъ Вознесенія.

Но теперь слушай меня, слушай!

Онъ схватилъ ея руки, а она слушала съ широко-открытыми глазами.

И онъ не говорилъ уже, а шипѣлъ, рыдалъ, билъ словами, какъ бѣшеный конь стальными подковами.

Тысячи словъ затерялись во мглѣ и сумракѣ.

Когда очнулся, услышалъ, наконецъ, свои слова:

...и страшная была минута, когда ты стала на колѣни у его ногъ, ароматными маслами натирала ихъ и обливала потоками своихъ золотистыхъ волосъ...

Магдалина! Магдалина!

Онъ, устремивъ взоры въ чудеса извѣчныхъ тайнъ, говорилъ со своимъ Богомъ и не видѣлъ тебя.

Но моя душа скорчилась въ страшныхъ судорогахъ страданія, когда увидѣлъ я, какъ золотистымъ шелкомъ своихъ волосъ ты вытирала ноги его, какъ уста твои льнули горячими поцѣлуями къ тому мѣсту, которое вскорѣ должны были пронзить ржавые, длинные гвозди, толстые, какъ палецъ,—какъ припала ты къ узкимъ, прекраснымъ, бѣлымъ ногамъ его!

Магдалина! Не цѣлуй этихъ ногъ! Не цѣлуй—кровь заливаетъ мнѣ глаза!.. Въ страшномъ, кровавомъ пожарѣ, которымъ объятъ передо мною весь міръ—торчитъ крестъ!

Вонъ ты припала лицомъ къ его ногамъ, обвила ихъ змѣями твоихъ золотистыхъ объятій—ты забыла, что онъ не видитъ тебя—какъ ласковый котенокъ, ласкаешь ты ноги его, цѣлуешь и прижимаешь къ себѣ—взяла обѣими руками его бѣлыя, прекрасныя ноги... Не дѣлай этого, Магдалина, не дѣлай—твоя обнаженная грудь поднялась, распрямилось твое гибкое тѣло—дрожь пробѣжала по твоей спинѣ, стянулись мускулы твоихъ бедеръ... Не дѣлай этого, Магдалина, не дѣлай!

Развѣ не видишь ты, что взоръ его отлетѣлъ отъ земли—развѣ не чувствуешь, что обнимаешь мертвое тѣло—душа его говоритъ съ Богомъ и давно уже отлетѣла.

Не ласкайся, не искушай, не искушай его!

Ха, ха, ха!

Нѣжными глазами ребенка взглянулъ онъ на тебя и

улыбнулся Своей безконечной тихой улыбкой Божьяго Агнца, что вскорѣ закланіемъ своимъ искупилъ грѣхи міра.

«О, сестра моя!»

Сестра?!

Никогда еще женщина, рожденная во грѣхѣ и развратѣ, не встрѣчала болѣе страшной пощечины, болѣе унизительнаго оскорбленія!

И вотъ, вотъ, съ дьявольскимъ наслажденіемъ чувствовалъ я, что ты бросишься на Него; изъ глазъ твоихъ брызнутъ молніи оскорбленныхъ желаній—дикій тріумфъ закипѣлъ въ моей душѣ—и вдругъ, вдругъ... какъ песъ, ты припала къ Его ногамъ, уста твои побѣлѣли, тѣло твое стало корчиться, слезы брызнули изъ твоихъ глазъ.

. . . . . .

Если бы ты кусала и грызла Его въ той бѣшеной страсти, съ какою стала цѣловать Его ноги—

Если бы ты разожгла Его кровь съ самымъ хитрымъ, самымъ проницательнымъ искусствомъ твоихъ ласкъ—

это не было бы для меня такою страшною болью, какъ крикъ твой.

. . . . . .

И свѣтъ глазъ Его, какъ острый ножъ, пронзилъ молніей мракъ моей души—такой страшный свѣтъ озарилъ ее, такую страшную наготу почувствовалъ я, что казалось мнѣ, будто горю я въ аду.

Ушелъ я.

Магдалина! Магдалина!

Слышу, какъ Онъ спрашиваетъ меня:

«Отчего ты избѣгаешь меня, Іуда,—отчего глаза твои смотрятъ въ землю,—отчего потускнѣли твои мудрые глаза и точно пеленой покрылись,—отчего за одну ночь посѣдѣли волосы твои, а спина твоя сгорбилась, точно тебя запрягли въ ярмо?».

Насмѣшкой, недостойной Бога, показались мнѣ эти слова—кровь бросилась мнѣ въ голову, и языкъ мой, что, казалось, присохъ уже къ небу, вдругъ заговорилъ:

Сердце женщины, которое было моимъ, ты притянулъ къ себѣ, Господи; душу ея опуталъ незримыми нитями твоей Божьей мощи.

Тогда безуміе рѣчи моей прервалъ его удивленный, столь ужасающе мудрый, столь всепроникающій взглядъ.

Съ тѣхъ поръ мы уже не говорили другъ съ другомъ.

Какъ тѣнь, ты тащилась за мною!

О, Магдалина, Магдалина—не дѣлай этого!

Сатана—Магдалина, отойди отъ сына Божьяго!

И вотъ пришла минута... Нѣтъ... Нѣтъ... Нѣтъ!

Я поцѣловалъ его, Магдалина... Нѣтъ... Нѣтъ... Нѣтъ!

Учитель возлюбленный, — шепталъ я. — Нѣтъ... Нѣтъ... Нѣтъ!

Магдалина, нѣтъ...

Охъ, охъ! была Ты у подножія креста его, а теперь со мной!

Со мной, Магдала, со мной! Отъ ногъ Искупителя оторвалъ я тебя, я—Каинъ, Іуда Искаріотъ—на вѣчную муку, вѣчное осужденіе, на вѣчное **вмѣстѣ** и вѣчное горе, на вѣчное Единство и вѣчное горе!

Сатана! На помощь!

Братъ мой единый, ты—лучезарный, великій Царь, нѣкогда сверженный съ небесныхъ высотъ за то, что хотѣлъ помѣряться съ нимъ, съ нимъ сравняться силой своей—ты—прекраснѣйшій, ты—свѣтоносный!

— Будь со мною!

— Забудемъ, забудемъ!—рыдала женщина.

Ха, ха, ха!—смѣялся сатана.

Словно сирень, едва расцвѣтшая въ тихія, весеннія ночи,—шепталъ человѣкъ,—одурялъ ароматъ твоего тѣла; блескъ волосъ твоихъ яснымъ потокомъ заливалъ руки твои; словно драгоцѣннѣйшій шелкъ, касались ихъ волны лица моего,—а глаза твои, какъ двѣ звѣзды, разлились въ темномъ океанѣ моей души.

Ха, ха, ха!—смѣялся сатана.

— Мощь и благословеніе словъ моихъ слышишь?— шепталъ человѣкъ.

— Авеля убилъ ты, Христа предалъ.

— Ради тебя,—ради тебя,—стоналъ человѣкъ.

— Я ласкалъ тебя моимъ томленіемъ, я расцвѣтилъ тебя моею любовью, я украсилъ тебя чудесной зеленью ивановскихъ ночей, я вдохнулъ въ тебя всемогущее дыханіе моихъ творческихъ силъ, я напиталъ тебя огнемъ, который укралъ у Бога, я насытилъ тебя тѣмъ дыханіемъ, которымъ Онъ, непостижимый Царь Царей, Вождь ратей архангельскихъ, вдохновилъ меня. Я кормилъ тебя своею кровью, озарилъ звѣздами черную ночь твою, мракъ твой расцвѣтилъ огнями тысячецвѣтныхъ радугъ—создалъ новый рай для тебя.

— Вернемся, вернемся!—шептала женщина.

— Слишкомъ поздно!

Замолчалъ Ибо вотъ—взглянулъ онъ въ глаза херувима. Великою мощью сверкалъ его огненный мечъ, взоръ его насквозь пронзалъ сердце человѣка, а незримыя молніи гнѣва его ударяли вокругъ, словно звѣзды, сорванныя въ темныя пропасти.

А сатана присѣлъ на краю того камня, что одинъ среди этой пустыни былъ свидѣтелемъ допотопныхъ безумствъ, уставился глазами на страшный пожаръ рая и больше не смѣялся.

Онъ увидѣлъ брата своего и смѣрилъ его удивленнымъ гордымъ взоромъ.

— Херувимъ, херувимъ! Спрячь въ ножны свой свѣтозарный мечъ! Блескъ его—слѣпая мгла для очей моихъ,—твой грозный видъ—призракъ согбеннаго стража, достойный жалости призракъ стража, что по повелѣнію господина своего охраняетъ незрѣлые плоды сада отъ шаловливаго воровства дерзкихъ мальчишекъ!

— Я, Каинъ,—я, Іуда,—я, одѣтый мглою и тучами дыма моихъ жертвъ, что возлюбили меня больше, чѣмъ Бога,—я, что пировалъ съ Богомъ, что въ темныхъ ал-

леяхъ Сада цѣловалъ блѣдное лицо Его Сына и говорилъ Ему, что возлюбилъ Его больше всего.

Я надругаюсь сегодня надъ твоей архангельской мощью —я самъ создалъ этотъ Рай, я самъ велѣлъ изгнать меня изъ него, чтобы измѣрить силу любви моей огромностью страданія, умножить мощь ея превыше жизни и смерти.

Ха, ха!

Я не жажду Раевъ твоихъ—мой Рай во мнѣ и отъ меня...

И вдругъ открылась передъ глазами его, открылась страшная ясность.

Словно внезапная тяжелая молнія разорвала плотный сжатый мракъ сорвавшихся тучъ.

— Сатана! Ты обманулъ меня!

Ты соткалъ для меня тончайшую сѣть измѣны,—и, какъ чудовищный паукъ, ты ждалъ, скоро ли несчастный комаръ попадетъ въ твою сѣть.

Ты привилъ нашимъ душамъ зной желаній, ядъ страсти, —ты съ коварствомъ и хитростью насадилъ блаженное древо любви, что даетъ отличать добро и зло, что открываетъ глаза на мощь твою и силу...

Коварный сатана! Ты обманомъ не далъ мнѣ сравняться съ тобой, ты опуталъ душу мою кровавыми путами слѣпца, что тщетно силится увидѣть свѣтъ.

Любовью, любовью ты ослѣпилъ меня! И то, что дало бы мнѣ дорости до огромности силы твоей, ты сдѣлалъ грѣхомъ и преступленіемъ!?

— Будь проклятъ! Будь проклятъ!

У тебя, всемогущаго вождя неисчислимыхъ ратей ангеловъ падшихъ, не было другой силы, кромѣ коварства и измѣны?

На помощь, сатана, на помощь! Повтори то, чѣмъ искушалъ ты отцовъ моихъ—повтори!

Ты—только жалкій искуситель, подлая гадина, главу которой растоптала дочь Евы! Надъ жалкой ложью не

возносятся стальныя стрѣлы твоей всемогущей силы, стрѣлы твоихъ словъ.

Откликнись!

Но Онъ молчалъ.

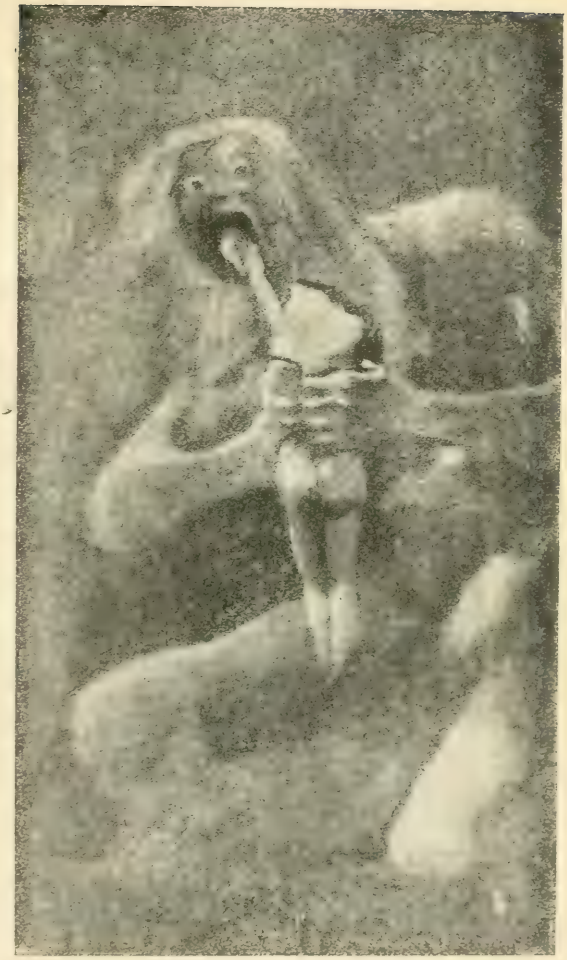
— Ха, ха, ха!—засмѣялся человѣкъ.—Сатана оставилъ меня. И вотъ я, преступникъ, **осужденный,** обращаюсь къ тебѣ, херувимъ, и благословляю тебя! Слѣпое орудіе сатаны, благословляю тебя!

Слуга сатаны, прости мнѣ мое кощунство—но я не хочу твоего Рая, ибо создалъ въ душѣ своей Рай, сто кратъ прекраснѣе—

Замолкъ человѣкъ, и закрылись ихъ глаза. Вѣчность цѣлую боролись они въ страшной борьбѣ; но ничто не сравнится съ силой Того, Кто былъ, есть и будетъ.

А сатана вился въ смѣхѣ мучительной боли, а женщина упала со стономъ на землю, а Архангелъ: Боль, Грѣхъ, Мука, Преступленіе—стоялъ на стражѣ.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.



РАЗСКАЗЪ

О ВЕЛИКОМЪ ЗНАНІИ.

I.

Былъ у меня одинъ пріятель, человѣкъ души уязвленной и ума изступленнаго.

Былъ онъ весьма талантливъ и не такъ еще давно написалъ книгу, вызвавшую большой и даже необыкновенный шумъ. Многіе узрѣли въ немъ пророка, многіе безнравственнаго мерзавца и только нѣкоторые человѣка глубочайшей ироніи. Врядъ ли не я одинъ понялъ, что книга эта (кстати сказать, характера мрачнаго и даже нигилистическаго въ глубочайшемъ смыслѣ этого слова) была просто крикомъ сердца измученнаго, души извѣрившейся, разума, смѣющагося надъ самимъ собою.

Я не вполнѣ знаю его біографію. Извѣстно только, что родился онъ гдѣ-то въ захолустномъ городишкѣ, въ семьѣ мелкаго чиновника, дѣтство провелъ болѣзненное и заброшенное, ибо матери лишился что-то очень рано и остался на рукахъ няньки, совершенно простой бабы изъ солдатокъ, которая къ тому же любила выпивать не въ мѣру.

Какимъ образомъ у него появилось это непомѣрное, можно сказать—трагическое самолюбіе и мечты о власти необычайной, сказать трудно, принимая во вниманіе наслѣдственность мелкаго чиновника, бѣдность, заброшенность и воспитаніе няньки, солдатки и пьяницы.

Не менѣе трудно опредѣлить, откуда явились непобѣдимая пытливость ума, склонность къ мечтаніямъ, незаурядная воля и талантливость натуры вообще.

Надо сознаться, что мы еще очень далеки отъ проникновенія въ подлинныя тайны человѣческаго я.

Трудность же анализа, даже для меня, человѣка... впрочемъ, это все равно... трудность анализа усугублялась тѣмъ, что онъ не любилъ и даже не умѣлъ разсказывать о себѣ. Какъ-то такъ выходило, что во всемъ его дѣтствѣ не было ничего замѣчательнѣе любви къ дворовымъ собакамъ и первой книги, прочитанной имъ лѣтъ семи отъ роду, а именно—сочиненій Марка Твэна.

Нѣсколько разъ, правда, онъ разсказывалъ при мнѣ одинъ эпизодъ, случившійся въ годъ смерти матери, когда ему было не больше двухъ лѣтъ, и разсказывалъ даже съ большимъ удовольствіемъ... Но я никакъ не могъ понять, чѣмъ замѣчателенъ этотъ случай и какіе выводы на немъ можно построить.

Желая быть объективнымъ, однако, эпизодъ этотъ воспроизведу, хотя, повторяю, не вижу въ немъ ничего достопримѣчательнаго.

Дѣло было такъ. Въ яркій солнечный день, мальчикъ этотъ, двухъ лѣтъ отъ роду, сидѣлъ гдѣ-то на дворѣ и мылъ въ лужѣ свои собственныя штанишки; жилъ же въ ихъ дворѣ какой-то отставной и выжившій изъ ума профессоръ, длинный и сухой нѣмецъ, всегда ходившій въ длиннѣйшемъ черномъ сюртукѣ; оный нѣмецъ наткнулся на мальчика и спросилъ его:

— Что ты дѣлаешь, малшикъ, маленькій малшикъ?

На это мальчикъ весьма разсудительно и солидно объяснилъ, что моетъ онъ свои штанишки, такъ какъ мамы

у него нѣтъ, и если онъ самъ о себѣ не позаботится, то такъ и будетъ ходить въ грязныхъ штанишкахъ.

Тогда нѣмецъ тяжко вздохнулъ, кряхтя полѣзъ въ задній карманъ своего безконечнаго сюртука, вытащилъ длинный фуляровый краснаго цвѣта платокъ и приложилъ къ глазамъ. Потомъ погладилъ мальчика по головѣ, сказалъ:

— Бѣдный малшикъ!

И отошелъ...

Вотъ и весь эпизодъ! И я, ей-Богу, не понимаю, какой можетъ быть въ немъ особый смыслъ, чтобы разсказывать его съ такимъ многозначительнымъ наслажденіемъ.

О послѣдующей его жизни знаю уже совсѣмъ мало. Знаю только, что гимназіи онъ не кончилъ, шалуномъ и драчуномъ былъ отъявленнымъ, съ явнымъ стремленіемъ вѣчно быть вождемъ, чѣмъ главнымъ образомъ и объяснялись всѣ его выходки, иногда для дѣтскаго возраста даже и совсѣмъ нелѣпыя.

Такъ, напримѣръ, будучи въ пятомъ, кажется, классѣ, идя однажды ночью по полю, усмотрѣлъ онъ огромную вывѣску съ надписью: мѣсто для свалки навоза. Немедленно отодралъ онъ огромную доску отъ столба, съ величайшимъ трудомъ притащилъ въ городъ и прибилъ на воротахъ городского кладбища... Зачѣмъ? Неизвѣстно!

По выходѣ изъ гимназіи куда-то отправился учиться живописи, гдѣ-то голодалъ, едва не сдѣлался шуллеромъ, зарабатывалъ на жизнь, рисуя увеличенные портреты и карикатуры въ уличныхъ листкахъ, и вдругъ неожиданно всплылъ на верха литературы и весьма скоро сталъ извѣстенъ у насъ, а послѣ своей пресловутой книги, съ идеей которой я совершенно не согласенъ, прогремѣлъ даже и за границей.

Былъ онъ всегда меланхоличенъ и замкнутъ, хотя и высказывался весьма откровенно. Думаю, однако, что откровенность была только кажущаяся, а самое главное, безъ чего все остается ложью, онъ всегда таилъ.

Когда я съ нимъ познакомился, былъ онъ въ угарѣ увлеченія женщинами. Былъ же онъ сладострастенъ несомнѣнно. Глупыя женщины льнули къ нему со всѣхъ сторонъ, прельщенныя его извѣстностью и нѣкоторой оригинальностью манеръ и внѣшности, и бралъ онъ ихъ всѣхъ безъ разбора, даже до странности.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ форменнаго распутства вдругъ объявился женоненавистникомъ и даже сталъ жестокъ, хотя и не безъ странностей: явно презирая женщинъ, умилялся каждой милой женской чертѣ, явно издѣваясь надъ ними, былъ иногда излишне даже мягокъ и жалостливъ до сантиментальности.

Впрочемъ, въ этой сантиментальности было нѣчто, что наблюдается у закоренѣлыхъ и хладнокровныхъ убійцъ, которые, вырѣзавъ на своемъ вѣку десятки людей, вдругъ сюсюкаютъ надъ какимъ-нибудь слюнявымъ младенцемъ или шелудивымъ щенкомъ.

Вотъ и все, что я могу сказать о немъ.

Къ тому же времени, отъ котораго хочу начать разсказъ объ его странномъ и страшномъ концѣ, вдругъ явилась у него потребность одиночества, и, уѣхавъ въ глухую провинцію, поселился онъ въ уединенной барской усадьбѣ, въ которой даже и мебели порядочной не было.

Туда-то, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ, какъ о не-идущихъ къ дѣлу, распространяться не буду, пріѣхалъ къ нему и я.

II.

Усадьба была окружена глухимъ сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ еще сохранились слѣды бывшаго когда-то парка и кое-гдѣ еще попадались разбитые амуры и Венеры безъ носовъ.

По ночамъ, во тьмѣ, когда начинали шумѣть сосны и казалось, что обезображенные Венеры и амуры движутся въ темнотѣ, бывало прямо-таки жутко.

Комнаты были обширны, но обставлены самыми плачевными остатками мебели, такъ что въ залѣ, напримѣръ,

стоялъ всего-на-всего одинъ древнѣйшій зеленый штофный диванъ, изъ котораго крысы повытаскивали всю набивку и который иногда, даже безо всякой видимой причины, начиналъ звенѣть всѣми своими многочисленными пружинами.

Спали мы на разныхъ концахъ дома, передъ сномъ же обычно сходились въ столовой, ужинали и спорили о вопросахъ чисто философскихъ, причемъ онъ заявлялъ себя реалистомъ чистѣйшей воды, хотя тайнъ и не отрицалъ и узокъ не былъ. Матеріалистомъ я бы его не назвалъ, ибо матеріалистъ ограниченъ и все знаетъ, и все объясняетъ, а онъ допускалъ неограниченность тайнъ и возможность невозможнѣйшаго.

Думаю, что могу прямо перейти къ той непонятной ночи, которую попытаюсь объяснить только въ концѣ, а пока предоставлю принимать какъ угодно.

Передъ этимъ нѣсколько дней онъ былъ очень задумчивъ и раздражителенъ, а въ этотъ вечеръ мы много спорили и между прочимъ коснулись вопроса объ удивленіи. Я утверждалъ, что ничему удивляться не могу, ибо и самое невозможное возможно, и что бы я ни узналъ и ни увидѣлъ, хотя бы и самого чорта, приму какъ фактъ доселѣ мнѣ неизвѣстный, но вытекшій изъ законовъ несомнѣнно существующихъ.

Вотъ тутъ-то меня поразила его улыбка. Онъ улыбнулся такъ, какъ-будто ловилъ меня на словѣ.

— Итакъ, вы ничему не способны удивиться?

— Конечно!

— Но въ такомъ случаѣ вы и ужаснуться не можете?

— Да. Я могу испугаться явной опасности, но не непонятнаго, какъ бы ни было оно странно.

Тогда онъ закивалъ головой съ явнымъ, но совершенно непонятнымъ мнѣ въ ту минуту удовольствіемъ и какъ-то ужъ очень скоро распрощался и ушелъ къ себѣ.

Я легъ на кровать одѣтый, началъ было читать, но незамѣтно уснулъ, забывъ даже погасить лампу.

Спалъ я, должно-быть, недолго и проснулся отъ неопредѣленнаго ощущенія какого-то безпокойства.

Когда я открылъ глаза, онъ стоялъ въ ногахъ моей кровати и, замѣтивъ, что я не сплю, сказалъ:

— Я хотѣлъ попросить васъ встать и пойти со мною.

Я всталъ, нѣсколько встревожившись: отъ такого человѣка можно было ожидать всевозможныхъ неожиданностей. Къ тому же лицо его меня поразило.

Было оно чрезвычайно блѣдно, съ синими кругами подъ глазами, но въ то же время странно восторженно. Почему-то мнѣ пришло въ голову, что такое замученное и восторженное лицо должно быть у какого-нибудь алхимика, до смертельной усталости просидѣвшаго всю жизнь надъ труднѣйшими и опаснѣйшими изысканіями, когда вдругъ видитъ онъ, что вслѣдъ за послѣднимъ усиліемъ, уже близко величайшее и вождѣленное открытіе.

Я тотчасъ же всталъ и послѣдовалъ за нимъ, мгновенно почему-то рѣшивъ ничего не спрашивать и приготовиться ко всему.

III.

Еще изъ корридора увидѣлъ я, что дверь въ залъ, обычно темный, освѣщена страннымъ зеленоватымъ свѣтомъ.

— Что это значитъ?—недовольно вырвалось у меня, но онъ не отвѣтилъ и поспѣшно прошелъ впередъ.

Я вошелъ за нимъ.

И вотъ тутъ-то увидѣлъ я нѣчто весьма странное и даже совершенно непонятное.

Весь этотъ пустой и унылый залъ былъ освѣщенъ мутнымъ зеленымъ и какъ бы студенистымъ свѣтомъ отъ высокихъ четырехъ подсвѣчниковъ, стоящихъ по всѣмъ угламъ.

Въ ихъ свѣтѣ было нѣчто противное, мертвое и даже какъ бы разлагающееся. Взглянувъ на его лицо, я замѣтилъ, что и оно, благодаря освѣщенію, приняло видъ

трупа. Помню, что съ отвращеніемъ необъяснимымъ подумалъ, что, вѣроятно, и у меня такое же лицо.

Однако, почему-то не говоря ни слова, я сѣлъ на зеленый диванъ, едва не чихнувъ отъ поднявшейся пыли и невольно вздрогнувъ отъ жалобнаго звона всѣхъ его проржавѣвшихъ пружинъ.

Какое-то странное раздраженіе охватило меня. Мнѣ вдругъ стало все противно, ненужно и совершенно нелѣпо. Но въ то же время не хотѣлось ничего говорить и спрашивать, и съ величайшимъ омерзѣніемъ, стиснувъ зубы, я рѣшилъ сидѣть и молчать, какія бы глупости ни вздумалъ онъ выкинуть.

О своихъ личныхъ дальнѣйшихъ ощущеніяхъ ничего не могу сказать опредѣленнаго, ибо и помню все смутно. Въ послѣдующее время у меня было такое ощущеніе, какъ у человѣка, который, проснувшись, помнитъ, что видѣлъ какой-то скверный и страшный сонъ, но совершенно не можетъ вспомнить, что именно.

Я передамъ только то, что видѣлъ, прибавивъ, что помню отлично, какъ чувство невыносимаго отвращенія не оставляло меня все время, иногда доходя даже до положительной тошноты.

Какъ только я сѣлъ и замолкли застонавшія пружины, онъ всталъ посреди зала и поднялъ руку, какъ бы призывая ко вниманію. Жестъ показался мнѣ театральнымъ и противнымъ, какъ и все остальное, но лицо его я разсмотрѣлъ хорошо: оно было полно восторга неизъяснимаго, близкаго къ безумію, и глаза его блестѣли лихорадочно.

И какъ только онъ поднялъ руку, сейчасъ же ярче вспыхнулъ зеленый свѣтъ, и замѣтилъ я, что какъ бы малые зеленые огоньки пробѣжали вдоль его поднятой руки. Мнѣ послышалось, что сосны кругомъ дома зашумѣли усиленно и жалобно, какъ бы предостерегая.

И вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ я, что въ углу, за каждымъ свѣтильникомъ появилось нѣчто... Было это неопредѣленно, подобно туманнымъ фигурамъ, весьма высокимъ и

тощимъ, но колебалось какъ водоросли въ водѣ и расплывалось во всѣ стороны.

И я услышалъ его голосъ, восторженный, надорванный напряженіемъ неимовѣрнымъ:

— Я готовъ!

Въ ту же минуту замѣтилъ я, что на подоконникѣ огромнаго, наглухо запертаго венеціанскаго окна что-то появилось.

Сосны зашумѣли еще протяжнѣе и жалобнѣе.

На окнѣ сидѣло нѣчто чрезвычайно неопредѣленное... Какъ бы огромное студенистое и зеленоватое брюхо, съ весьма отчетливо видимымъ пупкомъ. Ясно былъ видѣнъ этотъ пупокъ и жирныя складки, свисавшія съ подоконника. Но выше едва намѣчалось, то выступая, то совсѣмъ выпадая, нѣкое лицо. Чертъ его я не могъ разобрать, несмотря на всѣ усилія. Къ тому же тошнота поднялась къ самому горлу, я съ большимъ спокойствіемъ подумалъ:

«Надо бы касторки принять».

Между тѣмъ зеленый свѣтъ то разгорался, то погасалъ; зеленыя тѣни по угламъ за свѣтильниками колебались, выступали и пропадали; то ярче, то призрачнѣе намѣчалось огромное надутое чрево на окнѣ. Временами оно блестѣло отъ жира и было мясисто, временами дѣлалось какъ бы прозрачно, и сквозь него ясно были видны переплеты окна. Сосны шумѣли, и слышно было, какъ старая ель подъ самымъ окномъ мучительно скрипѣла.

Я ровно ничего не понималъ. Тишина стояла въ пустомъ залѣ мертвая. Но въ то же время какимъ-то внутреннимъ слухомъ въ глубокомъ молчаніи воспринималъ я какъ бы разговоръ двухъ голосовъ.

И вдругъ понялъ, что присутствую при церемоніи продажи души чорту и что отвратительное брюхо на окнѣ и есть чортъ.

Помню, что я не удивился, не испугался, принялъ это какъ нѣчто самое естественное и возможное. Но сознаніе

какой-то страшной роковой ошибки, полной ненужности и отвращенія, стало даже какъ бы нестерпимой грустью.

— Ты хочешь знать?—спрашивалъ нѣкто, какъ бы изъ всѣхъ угловъ.—Но великое знаніе умножаетъ скорбь, и печаль—удѣлъ мудраго!

— Знаю... хочу!—отвѣчалъ человѣческій голосъ, восторженный и отчаянный.

Свѣтильники вспыхнули ярче, брюхо на окнѣ выступило отчетливо, голо и нагло, лоснясь отъ жира.

— Ты не вынесешь всезнанія, ты—человѣкъ!—повторилъ голосъ.

— Знаю, хочу!—отвѣтилъ другой, среди полнаго безмолвія, еще изступленнѣе.

Сосны зашумѣли какъ бы съ воплемъ и стенаніемъ.

— Ты погибнешь!—сказала тишина.

— Знаю... хочу!—въ третій разъ услышалъ я голосъ, и это былъ уже не тотъ голосъ: это былъ мертвенный, какъ бы смертельно усталый шопотъ. Глубочайшее равнодушіе звучало въ немъ.

Ярко вспыхнули свѣтильники; надъ тѣнями въ углахъ выглянули какія-то отвратительныя, ужасныя лица; голо и страшно выступило на подоконникѣ массивное чрево, сотрясшееся отъ смѣха. И надъ нимъ на одно мгновеніе показалось лицо красоты поразительной, блеска нестерпимаго. Мнѣ почудилось, что было это лицо прекраснѣйшей изъ женщинъ, въ соблазнительной и страшной красотѣ...

Я вскочилъ, самъ не зная почему... Мнѣ еще показалось, что прекрасное сладострастное лицо женщины выразило скорбь неутолимую и жалость почти любовную.

Но вдругъ мракъ и тишина охватили меня.

Молча, съ душой потрясенной, я ощупью выбрался изъ зала. Ужасъ безсмыслія стоялъ за моей спиной.

Въ комнатѣ моей по-прежнему горѣла лампа. Подушка была измята моей головой, книга лежала поверхъ одѣяла. Все было такъ просто, обычно и мило. Я бросился лицомъ внизъ на кровать и почувствовалъ, что тоска рветъ мое

сердце. Мгновенно лицо мое стало мокро. Я плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, бился лицомъ о подушку... Я чувствовалъ, что нѣчто великое умерло сейчасъ, и я не могу никогда-никогда поправить какой-то ужасной ошибки...

IV.

Я проснулся поздно и не могъ понять, что со мной. Проснулся одѣтый, съ сознаніемъ чего-то ужаснаго, но не могъ осознать, сонъ или явь было то, что я видѣлъ ночью.

Кое-какъ умывшись, я вышелъ на террасу.

День былъ блѣдный и пасмурный. Небо было бѣло и непривѣтливо. Холодный вѣтеръ гналъ между соснами мелкую сухую пыль и кружилъ прошлогодними листьями. Странная пустота и тишина вокругъ.

Страшное сознаніе одиночества въ мертвомъ, пустомъ лѣсу охватило меня. Я крикнулъ его имя и испугался собственнаго голоса. Онъ прозвучалъ слабо, и никто не отвѣтилъ ему. Впервые я почувствовалъ такъ ясно, что громаденъ и безграниченъ міръ и я одинъ—пылинка, которую вѣтеръ кружитъ среди мертвыхъ сосенъ.

Въ страшной тоскѣ я сбѣжалъ съ крыльца и бросился искать. Я стучалъ по соснамъ, кричалъ, звалъ, ругался, просилъ... Я готовъ былъ плакать, чтобы только показалось живое лицо.

И вдругъ увидѣлъ его.

Онъ шелъ среди сосенъ и смотрѣлъ прямо на меня. Я какъ-то не замѣтилъ, былъ ли онъ одѣтъ или нагъ, я видѣлъ только какъ бы идущее по воздуху, отдѣленное отъ всего міра его лицо.

Я бросился къ нему и сталъ въ ужасѣ.

Мертвое, совершенно остеклѣвшее лицо блѣдно и медленно проплыло мимо меня. Еще увидѣлъ я его глаза: въ нихъ было мертвое равнодушіе... Ни тоски, ни страха, ни боли, ни отчаянія, ни одного человѣческаго чувства не было въ ихъ прозрачной, какъ бы всевидящей и ничего не отра-

жающей глубинѣ. Они показались мнѣ совершенно пустыми, эти человѣческіе глаза!

Онъ прошелъ мимо и скрылся среди сосенъ. Я остался на мѣстѣ въ тупомъ и блѣдномъ забытьи. Сосны высоко стояли кругомъ, вѣтеръ крутилъ мелкую сухую пыль и листочки прошлогодней травы. Бѣлое небо слѣпо и равнодушно стояло высоко вверху, недосягаемое и пустое.

И вдругъ страшное бѣшенство охватило меня. Я весь затрясся.

— Онъ знаетъ все!—вдругъ нелѣпо пронеслось у меня въ головѣ, и ужасъ этого всезнанія оледенилъ меня.—Я почувствовалъ, что долженъ бѣжать, долженъ во что бы то ни стало найти его, убить, уничтожить, растоптать ногами какъ ядовитую гадину.

Въ ярости и дрожи ужаса я сорвался съ мѣста и побѣжалъ. Я бѣгалъ среди сосенъ, за домомъ, въ полѣ, пробѣжалъ всѣ комнаты, чрезъ залъ, гдѣ унылымъ звономъ откликнулись на мой изступленный бѣгъ всѣ пружины стараго дивана... Я рыдалъ, какъ звѣрь, какъ сумасшедшій, и думалъ, въ бѣшенствѣ, только о томъ, что я не найду его и онъ останется жить... Онъ, съ этими пустыми глазами!

Помню, что, пробѣгая черезъ свою комнату, я безсознательно схватилъ тяжелый стальной стативъ отъ своего фотографическаго аппарата.

И я нашелъ его...

За сарайчикомъ для дровъ было у насъ отхожее мѣсто... Простая, неглубокая зловонная яма, черезъ которую была перекинута доска...

Онъ былъ тамъ: онъ сталъ на колѣни, прилегъ на край ямы и погрузилъ голову въ зловонныя нечистоты...

Онъ былъ совершенно мертвъ!

V.

Конечно... все это былъ сонъ!.. Но онъ дѣйствительно покончилъ жизнь такимъ страннымъ и непристойнымъ обра-

зомъ. Онъ даже и здѣсь, очевидно, стремился къ своеобразной оригинальности!

Теперь, вспоминая его, я вижу ясно, что это былъ деспотъ, свою прекрасную душу и громадный умъ отдавшій въ жертву неутолимаго стремленія къ міровой власти!

И къ тому же, какъ всѣ деспоты, онъ былъ позеръ, гнавшійся даже въ послѣднюю минуту за исключительной оригинальностью!

Все же ночное я видѣлъ во снѣ. Его навѣялъ мнѣ нашъ послѣдній разговоръ и та инстинктивная тоска, которую чувствуетъ все живое при приближеніи смерти, которая заставляетъ собакъ выть передъ покойникомъ.

Несомнѣнно, что въ эту ночь онъ обдумывалъ свое самоубійство, а я чувствовалъ это.

Чѣмъ была вызвана его позорная малодушная смерть?.. Не знаю... Возможно въ концѣ-концовъ, что онъ былъ просто ненормаленъ.

Странности въ немъ всегда замѣчались.

М. Арцыбашевъ.

ИЗНАНКА ПАРТІИ ВЪ ВИСТЪ

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОЧЕРКА).

... Въ 182... я былъ въ салонѣ дяди, бывшаго мэромъ въ нашемъ городкѣ. Не взирая на день св. Людовика, въ салонѣ были заняты тѣмъ, чѣмъ занимались тамъ ежедневно. Играли въ карты. Прошу извиненія, что я принужденъ говорить о себѣ,—это безвкусно,—но это необходимо. Я былъ еще юношей. Между тѣмъ, благодаря исключительному воспитанію, въ любви и въ свѣтской жизни я понималъ гораздо больше, чѣмъ понимаютъ въ мои годы. Я менѣе походилъ на неловкаго школьника, видящаго міръ сквозь призму своихъ учебниковъ, нежели на любопытную дѣвушку, знающую многое благодаря подслушиванію у дверей и раздумью надъ слышаннымъ.

Весь городъ былъ въ этотъ вечеръ у дядюшки и, по обыкновенію, общество дѣлилось на двѣ части: на игравшихъ въ вистъ и на дѣвушекъ, не принимавшихъ участія въ этой игрѣ. Я не могъ оторвать жадныхъ взоровъ отъ ихъ лицъ, блиставшихъ ненужной свѣжестью и жизнью, ароматомъ, которымъ никому не суждено было насладиться.

Среди нихъ была только одна—Эрминія де-Стассевиль, которая, благодаря большому состоянію, могла питать надежду на чудо-бракъ по любви. Я не былъ еще достаточно взрослымъ или былъ имъ черезчуръ, чтобы вмѣшаться въ толпу дѣвушекъ, чьи перешептыванья прерывались порой то громкимъ хохотомъ, то сдержанными улыбками. Охваченный жгучей робостью, полупыткой, полунаслажденіемъ, я пріютился вблизи «Бога шлема»,—Мармора де-Керкоэля, которымъ я въ то время страстно увлекался. Между нимъ и мной не могло быть дружбы. Но въ чувствахъ есть тайная разница. Нерѣдко случается въ молодыхъ людяхъ наблюдать ничѣмъ необъяснимыя симпатіи, изъ которыхъ только видно, что молодые люди нуждаются въ предводителяхъ, какъ и народы, оставшіеся, несмотря на свой возрастъ, дѣтьми. Моимъ героемъ долженъ былъ быть Керкоэль.

Онъ частенько навѣщалъ отца, страстнаго игрока, какъ и всѣ мужчины нашего круга. Иногда онъ присоединялся ко мнѣ и брату въ часы отдыха или гимнастическихъ упражненій и удивлялъ насъ своей баснословной силой и гибкостью... Не могу сказать, какой мечтой окружилъ я его темный лобъ, словно изваянный изъ вещества, именуемаго художниками terre de Sienne; его мрачные глаза съ короткими вѣками, слѣды невѣдомыхъ страстей на лицѣ шотландца, подобные четыремъ ударамъ палача на тѣлѣ колесуемаго, и особенно его нѣжныя руки утонченнаго человѣка, умѣвшія сообщать картамъ быстроту, походившую на круговоротъ пламени и поразившія такъ Эрминію де-Стассевиль въ день пріѣзда Керкоэля.

Въ этотъ вечеръ въ углу комнаты, гдѣ стоялъ карточный столъ, стора была полуспущена. Игроки были угрюмы, какъ освѣщавшій ихъ ихъ тусклый полусвѣтъ. То былъ вистъ. Сильный Маѳусаилъ маркизъ де-Сентъ-Альбанъ былъ партнеромъ Мармора. Графиня дю-Трамбле выбрала себѣ въ партнеры кавалера де-Тарсиса, служившаго въ революцію

въ одномъ изъ прованскихъ полковъ. Вслѣдствіе движенія графини де-Стассевиль, собиравшей со стола карты, въ алмазъ, сверкавшій на ея пальцѣ, ударилъ пересѣченный камнемъ лучъ свѣта,—совпаденіе, котораго не придумаешь нарочно. Изъ камня брызнула струя бѣлаго электрическаго свѣта, опалившаго глаза, какъ молнія.

— Эге! Что это блеститъ?—спросилъ кавалеръ де-Тирсисъ разслабленнымъ голосомъ.

— А кто это такъ кашляетъ?—спросилъ въ ту же минуту маркизъ де-Сентъ-Альбанъ, отвлеченный звукомъ глухого кашля и поворачиваясь къ Эрминіи, вышивавшей неподалеку отъ него косынку для матери.

— Мой брилліантъ и моя дочь,—отвѣтила обоимъ графиня дю-Трамбле, улыбаясь тонкими губами.

— Боже, какъ хорошъ вашъ брилліантъ, сударыня!—воскликнулъ кавалеръ.—Никогда еще не сверкалъ онъ такъ, какъ сегодня. Слѣпой и тотъ бы его увидѣлъ!

На этихъ словахъ окончилась партія, и кавалеръ де-Тарсисъ коснулся руки графини.

— Вы позволите?—спросилъ онъ.

Графиня томно сняла перстень и бросила его на игорный столъ.

Старый эмигрантъ разсматривалъ брилліантъ, поворачивая кольцо передъ своимъ глазомъ, словно калейдоскопъ. Но свѣтъ имѣетъ свои капризы. Играя по гранямъ, онъ не извлекалъ уже изъ камня луча, подобнаго первому.

Эмилія встала и подняла стору, чтобы свѣтъ сильнѣе ударилъ въ камень и далъ возможность лучше оцѣнить его красоту.

Она сѣла снова, опершись о столъ, и принялась разглядывать призматическій камень, но приступъ кашля вернулся къ ней съ такой силой, что перламутръ ея прекрасныхъ голубыхъ глазъ чистѣйшей первоначальной воды покраснѣлъ и налился кровью.

— Гдѣ схватили вы такой ужасный кашель, дорогое дитя?—спросилъ маркизъ де-Сентъ-Альбанъ, болѣе инте-

ресуясь дѣвушкой, чѣмъ камнемъ,—алмазомъ человѣческимъ, чѣмъ алмазомъ минеральнымъ.

— Не знаю, господинъ маркизъ, — отвѣчала она съ легкомысліемъ юности, вѣрящей въ то, что жизнь безконечна.—Быть можетъ, гуляя вечеромъ по берегамъ Стассевиля.

Въ ту же минуту я былъ пораженъ группою, которую составляли эти четыре лица.

Красноватый отблескъ заката сквозь открытое окно наводнялъ комнату. Кавалеръ де-Тарсисъ разсматривалъ камень, маркизъ де-Сентъ-Альбанъ смотрѣлъ на Эрминію, графиня де-Трамбле смотрѣла на Каркоэля, разсѣянно глядѣвшаго на даму бубенъ, которую держалъ въ рукѣ. Но всѣхъ болѣе меня поразила Эрминія. «Роза Стассевиля» была еще блѣднѣе матери. Красный отблескъ умиравшаго дня прозрачнымъ отсвѣтомъ покрывалъ ея блѣдныя щеки и придавалъ ей сходство съ головой жертвы, отраженной окровавленнымъ зеркаломъ.

Холодъ пробѣжалъ у меня по нервамъ; въ силу какого-то прозрѣнія меня осѣнило одно воспоминаніе,—съ непреодолимостью идей, насильственно оплодотворяющей нашу возмущенную мысль.

Около двухъ недѣль тому назадъ, утромъ, я отправился къ Мармору де-Керкоэлю. Засталъ его одного. Было рано. Никто изъ игравшихъ у него по утрамъ еще не пришелъ. Когда я вошелъ, онъ стоялъ у письменнаго стола и, казалось, былъ всецѣло погруженъ въ трудное дѣло, требовавшее вниманія и большой твердости руки. Я не могъ видѣть его лица: голова его была опущена книзу. Въ пальцахъ правой руки онъ держалъ маленькій флаконъ изъ блестящаго чернаго вещества, походившій на остріе сломаннаго кинжала, и изъ этого микроскопическаго флакона переливалъ въ разомкнутое кольцо какую-то жидкость.

— Что вы дѣлаете, чортъ возьми?—воскликнулъ я, подходя къ нему. Но онъ крикнулъ повелительно:

— Не подходите! Оставайтесь, гдѣ стоите! У меня можетъ дрогнуть рука, а то, что я дѣлаю, опаснѣе и труднѣе, нежели стрѣлять въ штопоръ въ сорока шагахъ изъ револьвера, который можетъ ежеминутно разорвать.

То былъ намекъ на случай, имѣвшій мѣсто нѣсколько дней тому назадъ. Мы забавлялись стрѣльбой изъ сквернѣйшихъ револьверовъ съ цѣлью проявить искусство стрѣлковъ, несмотря на плохое качество оружія, и едва не размозжили себѣ головы дуломъ револьвера, который разорвало у насъ на глазахъ. Онъ продолжалъ переливать таинственную жидкость, стекавшую каплями съ носика флакона. Окончивъ, онъ сомкнулъ кольцо и бросилъ его въ ящикъ письменнаго стола, словно желая спрятать.

Я замѣтилъ, что на лицѣ у него была надѣта стеклянная маска.

— Съ какихъ это поръ,—спросилъ я шутливо,—вы стали заниматься химіей? Ужъ не готовите ли вы лѣкарство противъ проигрышей въ вистъ?

— Я ничего не готовлю,—отвѣтилъ онъ.—Но то, что находится тамъ,—онъ указалъ на черный флаконъ,—лѣкарство отъ всего. Это,—прибавилъ онъ съ мрачной веселостью, свойственной странѣ самоубійцъ, откуда онъ пріѣхалъ,—это—колода крапленныхъ картъ, съ которою можно выиграть у судьбы послѣднюю ставку навѣрняка.

— Что это за ядъ?—спросилъ я, беря флаконъ, странная форма котораго меня привлекала.

— Самый изумительный изъ индійскихъ ядовъ,—отвѣчалъ онъ, снимая маску. Вдыханіе его смертельно, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не убиваетъ немедленно, все-же человѣкъ не ускользаетъ отъ него; дѣйствіе его столь же вѣрно, сколь и таинственно. Медленно, томительно подтачиваетъ онъ въ самомъ корнѣ жизнь человѣка и развиваетъ въ пораженныхъ органахъ общеизвѣстныя болѣзни, симптомы которыхъ, хорошо изученные наукой, способны от-

клонить подозрѣніе и дать отвѣтъ на обвиненія, если бы таковыя были предъявлены. Разсказываютъ, что въ Индіи нищенствующіе факиры добываютъ его изъ рѣдкихъ веществъ, извѣстныхъ имъ однимъ и встрѣчаемыхъ лишь на плоскогорьяхъ Тибета. Онъ не разрываетъ, а постепенно ослабляетъ нити жизни. Этимъ онъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ характеру апатичныхъ и лѣнивыхъ индѣйцевъ, которые любятъ смерть какъ сонъ и охотно умираютъ, словно падаютъ на ложе изъ лотосовъ. Достать этотъ ядъ очень трудно, почти невозможно. Если бы вы знали, чѣмъ я рисковалъ, желая добыть этотъ флаконъ клявшейся мнѣ въ любви! У меня есть другъ, офицеръ англійской арміи, вернувшійся, какъ и я, изъ Индіи. Онъ повсюду искалъ этого яду со страстью и упорствомъ англичанина. Въ отчаяніи онъ написалъ мнѣ изъ Англіи и прислалъ это кольцо, прося влить въ него нѣсколько капель этого нектара смерти. Это я и дѣлалъ, когда вы вошли.

Слова Керкоэля не удивили меня. Люди такъ созданы, что, не питая ни злого умысла, ни мрачной мысли, любятъ держать у себя ядъ, какъ любятъ хранить оружіе. Они накопляютъ оружіе уничтоженія какъ скупецъ деньги. Разсмотрѣвъ внимательно флаконъ изъ чернаго камня,—гладкую агатовую бездѣлушку,—которую индійская танцовщица носила среди топазовъ на своей груди и губчатое вещество которой впитывало въ себя золотистый потъ ея кожи,—я бросилъ ее въ бокалъ, стоявшій на каминѣ, и забылъ о ней.

Повѣрите ли, мнѣ теперь пришелъ на-память именно этотъ флаконъ! Болѣзненный видъ и блѣдность Эрминіи, ея кашель, словно вырвавшійся изъ размягченнаго легкаго, гдѣ, можетъ быть, уже образовались глубокія раны, именуемыя медициной на своемъ живописномъ и страшномъ языкѣ «кавернами», — перстень, сверкнувшій именно въ ту минуту, когда дѣвушка закашлялась, словно въ блескѣ человѣкоубійственнаго камня былъ трепетъ радости убійцы; событія утра, исчезнувшія изъ памяти и пробудившіяся

вновь,—все это, словно волна, сразу прихлынула къ моему мозгу. Связи, которая соединяла бы прошлыя событія съ настоящей минутой, я не находилъ. Невольное сближеніе, на которое наталкивала меня мысль, было безумно. Я страшился самого себя. Я старался загасить въ себѣ этотъ смутный свѣтъ, пронизавшій мнѣ душу какъ блескъ брилліанта, сверкнувшаго по зеленому столу!

Чтобы поддержать поколебленную волю и съ ея помощью разсѣять преступную и безумную догадку, я взглянулъ на графиню де-Трамбле и на Мармора.

И тотъ, и другая позами и лицами ясно подтверждали, что догадка моя была безумна. Какъ сейчасъ вижу лицо Мармора де-Каркоэля, выраженіе кристальнаго спокойствія на лицѣ графини, прерванное лишь вдыханіемъ резеды, которую она вдыхала и жевала со сладострастной дрожью. На эти факты, которые я не умѣлъ связать между собою, впослѣдствіи упалъ лучъ свѣта, разсѣявшій этотъ хаосъ.

Два послѣднихъ года моего воспитанія я не пріѣзжалъ домой. Въ школѣ изъ писемъ моихъ семейныхъ я узналъ о смерти Эрминіи де-Стассевиль. Вся кровь застыла во мнѣ при полученіи этого извѣстія. Я отнесся къ этому черезчуръ трагически, чтобы бесѣдовать объ этомъ съ кѣмъ-нибудь. По возвращеніи въ родительскій домъ я засталъ нашъ городъ чрезвычайно измѣнившимся. Ибо въ нѣсколько лѣтъ города мѣняются, какъ женщины,—ихъ трудно бываетъ узнать. Прежде всего я хотѣлъ узнать, что сталось съ Марморомъ де-Каркоэлемъ. Мнѣ отвѣтили, что по приказу своего правительства онъ отбылъ снова въ Индію. Человѣкъ, сообщившій мнѣ это, былъ тотъ же кавалеръ де-Тарсисъ, одинъ изъ четырехъ участниковъ памятной «партіи алмаза». Почти въ ту же минуту невольно я сказалъ:

— А графиня дю-Трамбле-Стассевиль?

— Развѣ вы что-нибудь знаете?—произнесъ онъ таинственно, словно насъ подслушивали сотни ушей, хотя мы были одни.

— Да нѣтъ же, ничего не знаю,—отвѣчалъ я.

— Она скончалась отъ болѣзни легкихъ, какъ и дочь, мѣсяцъ спустя послѣ отъѣзда этого дьявола,—Мармора.

— Къ чему это указаніе срока?—спросилъ я.—И почему вы говорите мнѣ о Марморѣ де-Каркоэлѣ?

— Вы, слѣдовательно, въ самомъ дѣлѣ ничего не знаете? Ну, мой милый, графиня, повидимому, была его любовницей. Но худшее заключалось въ томъ, что Марморъ, «богъ шлема», объявилъ шлемъ всей семьѣ. Бѣдная малютка Эрминія втихомолку обожала его. Въ этомъ было нѣчто роковое. Любилъ ли онъ мать? Любилъ ли обѣихъ? Или не любилъ ни ту, ни другую? Утверждаютъ, что мать воспылала ненавистью къ дочери, что ускорило ея кончину.

— Неужели говорятъ объ этомъ!—воскликнулъ я, охваченный ужасомъ при мысли о томъ, что мои подозрѣнія имѣли основанія.

— Помните ли вы, что графиня де-Стассевиль, никогда ничего не любившая, не исключая и цвѣтовъ, носила всегда за поясомъ букетъ резеды? Эта резеда бралась въ великолѣпной жардиньеркѣ, стоявшей въ ея гостиной. Она полюбила цвѣты и съ яростью всюду ихъ разыскивала. Воздухъ въ ея гостиной былъ удушливъ, какъ въ оранжереѣ. Дамы слабаго здоровья отказывались бывать у нея. Когда же послѣ ея смерти захотѣли высадить въ землю роскошные кусты резеды, то въ ящикѣ нашли... угадайте что... трупъ ребенка, родившагося живымъ...

... Есть только два человѣка, знавшихъ, въ чемъ тутъ —дѣло Одинъ изъ нихъ—Марморъ де-Каркоэль, уѣхавшій въ Индію съ чемоданомъ, набитымъ нашимъ золотомъ, выигранным въ вистъ, а другой—духовникъ графини. Вы помните толстаго аббата Трюбена?..

Барбье д'Оревильи.

ПОЭМА ЮНОСТИ АБЕЛЯРА.

НИКОЛАЙ МУРАВЬЕВЪ.

Абеляръ, уже магистръ богословія, извѣстный искусной діалектикой и вообще даромъ прекрасной рѣчи, жилъ въ средневѣковомъ Парижѣ убогой студенческой жизнью. И многіе изъ лиценціатовъ, что приходили въ Парижъ изъ Рима, Мадрида, Валенсіи и Прованса съ длинной палкой и котомкой за плечами, жили не лучше, чѣмъ ихъ любимый докторъ, столь краснорѣчивый и ученый.

Но годы и годы за книжнымъ столомъ, гдѣ возвышалось среди старыхъ истрепанныхъ томовъ Распятіе, непре-

рывное острое мозговое возбужденіе, диспуты и діалектическіе турниры, такъ сильно подымающіе и натягивающіе нервы, — все это не потушило, а, наоборотъ, обострило влеченія иной области существованія, которую суровый докторъ пытался отвергнуть.

Судьбѣ было угодно послать ему жесточайшія испытанія, ибо обычную человѣческую страсть онъ позналъ черезъ искушенія бога любви Эрота такой нѣжности, остроты и мучительной силы, что въ этихъ порывахъ и въ этой борьбѣ докторъ-монахъ вполнѣ искупилъ свое презрѣніе къ священному здоровью тѣла и всѣмъ радостямъ, которыхъ настойчиво и мощно оно требуетъ отъ веселой и мужественной юности.

Его настойчивый и сильный умъ, его необузданное увлеченіе работой, мощное пареніе на высотѣ богословской безумно-отвлеченной мысли, гдѣ онъ боролся съ ересями и утверждалъ съ новой крѣпостью догматы вселенскаго христіанства,—не показывали ли вообще могучую жизненность его натуры?

— Ну, такъ слушайте, что случилось съ докторомъ Абеляромъ и какъ онъ боролся съ любовью, мукой и съ самимъ Сатаной, стремящимся губить ученыхъ монаховъ и святыхъ мужей.

Должно въ этой правдивой исторіи сказать, что среди углубленій въ доказательства и построенія ученыхъ мужей одна какая-либо подробность, случайное упоминаніе какое-либо внезапно отторгали доктора отъ путей его мысли, и дьяволъ впутывался въ нихъ и завладѣвалъ ими. И часто безумный хмѣль страсти бросался ему въ голову. И, какъ нѣкогда передъ святымъ Антоніемъ, проплывали передъ нимъ демонски наглые образы бѣшенаго и неукротимаго вожделѣнія.

«Я борюсь, я его уничтожаю знаменіемъ и силой молитвы,—писалъ знаменитый схоластъ въ своемъ дневникѣ.—Только вчера изъ росписной буквы трактата Расцеллина выползло мелкое нечистое существо и стало принимать со-

блазнительный образъ. Я въ ужасѣ закрылъ глаза. И тогда изъ тьмы, которой владѣетъ самъ Дьяволъ, всплыла бѣшено несущаяся вереница женщинъ. Онѣ были совсѣмъ наги, на нихъ не было ни признаковъ одежды и онѣ при этомъ изгибались какъ бѣшеныя. Я, какъ сухая лоза, сгоралъ отъ муки... И прошло немало времени, прежде чѣмъ я отогналъ ихъ великимъ напряженіемъ духа».

Но схоластъ былъ упрямъ. Онъ пришелъ къ рѣшенію, что не прятаться пугливо нужно отъ искушеній Духа тьмы, а биться съ нимъ лицомъ къ лицу. Дабы проблема искушенія и борьбы съ нимъ была ясна для всего человѣчества и Дьяволъ пересталъ торжествовать надъ учеными и святыми людьми.

— Пусть онъ идетъ со всѣми своими нечистыми искушеніями. Я здѣсь!—И схоластъ рѣшилъ итти по этому пути до конца.

Однажды выходя изъ воротъ училища святой Женевьевы, гдѣ онъ преподавалъ богословіе, философъ-монахъ замѣтилъ шедшую неподалеку отъ него молодую дѣвушку, подростка. И онъ, не подымая глазъ, проходилъ мимо, черный, худой и угрюмый, далекій всему, чѣмъ жилъ веселый и шумный городъ. Но, уже проходя мимо ея плеча, онъ совершенно невольно повернулъ голову и встрѣтился съ ея взглядомъ. Что-то черное, лукавое и веселое блеснуло монаху въ глаза.

Она тоже была въ черномъ, и была она маленькой, со свѣжимъ бѣлымъ лицомъ и какими-то точками—искорками въ лукавыхъ глазахъ.

Монахъ прошелъ мимо. Потомъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Въ воздухѣ чувствовались запахи сентября, возбуждающая сырость, ея легкія вѣянія, обвѣвающія лицо томно и ласково.

За нимъ стучали чьи-то шаги. Она снова обогнала его и проходя любопытно оглядѣла монаха. И пошла впереди, и монахъ отвертывался, чтобы не видѣть, сколько силы было въ ея фигурѣ и въ движеніи ея ногъ.

О томъ, что въ мірѣ есть книги и среди нихъ труды Тертулліана, Климента Александрійскаго и Оригена, монахъ зналъ твердо. Но тутъ впервые онъ задумался о томъ, что въ мірѣ есть женщины и что ихъ очень много. И что всюду ихъ ищутъ и грѣшатъ съ ними мужчины. И что нѣтъ дома, нѣтъ кровли, подъ которой не дышалъ бы грѣхъ плоти, длящій въ безконечность человѣческій родъ.

Погруженный въ эти мысли о женщинѣ въ мірѣ, схоластъ пришелъ уже въ сумракѣ къ себѣ домой, споткнулся у порога о сваленную въ углу груду рукописей и списковъ, потомъ зажегъ свѣчу и сѣлъ у стола.

Чтобы отогнать мысли, въ которыхъ не было ни начала, ни конца и которыя несли безпокойство и неопредѣленность, онъ принялся набрасывать начало проповѣди нѣсколько неуклюжими, но полными силы и энергіи фразами.

Затѣмъ онъ легъ спать.

И ему снился сонъ

Надъ Парижемъ разразилась бѣшеная гроза. Узкіе дома съ остроконечными крышами, грязные дворы и пустынныя улицы озаряются непрерывнымъ блистаньемъ и трепетомъ молній. Гулко, залпами разражается громъ, хлещутъ потоки дождя, а по улицамъ журчатъ пѣнные ручьи.

Пустынно, холодно и сыро...

Абеляръ стоитъ у крыльца дома. Кругомъ—ни души. И почему-то странно ему одному, и оглядывается онъ снова кругомъ и видитъ по-прежнему—пустыня и безлюдье. И кто-то словно нашептываетъ ему на-ухо:—«Нѣтъ кругомъ никого. Никто ничего не увидитъ. Все поглотится тайной. Дѣлай же все, что только таится на днѣ сокровенныхъ желаній»...

И отгоняетъ онъ нелѣпый бредъ и идетъ къ себѣ въ комнату и у дверей вздрагиваетъ, потому что бѣглый трепетъ озаряетъ у его дверей женщину.

И мысль въ головѣ его и въ крови его, какъ молнія,—женщина!

Онъ наклоняется беретъ ея мокрую руку, вводитъ женщину въ комнату. Это дѣвушка. Она миніатюрна и юна. Она похожа на ту, которую онъ встрѣтилъ на улицѣ.

Одежда ея вся мокра. Она дрожитъ. Она шепчетъ: «Раздѣнь меня»...—и разстегиваетъ грудь и воротъ его сутаны и улыбается ему... А за окнами хлещетъ и журчитъ дождь, бѣгутъ потоки воды, и порой бѣлый свѣтъ молніи струится мгновенно по комнатѣ.

Пронизываемый болью непреодолимыхъ желаній, для которыхъ нѣтъ въ человѣкѣ сопротивленій, онъ трогаетъ ее, потомъ обнажаетъ ее отъ одеждъ, и рука его скользитъ вдоль ея тѣла. «Тс-сс...»—шепчетъ она, приложивъ пальчикъ къ губамъ, лукаво отходитъ отъ него,—и вдругъ бѣшено бросается въ его объятія.

Какой-то грохотъ и стукъ раздавались кругомъ, и они испуганно оглядывались и съ жадной пугливой поспѣшностью искали губъ другъ друга. Внезапно грянулъ такой оглушительный ударъ, что все кругомъ рухнуло и Абеляръ провалился куда-то внизъ...

Проснулся онъ и въ безпамятствѣ сидѣлъ на кровати. Сердце философа стучало какъ молотъ, весь онъ дрожалъ и пряди волосъ его прилипли ко лбу.

— Поистинѣ,—сказалъ Абеляръ, очнувшись,—не правы тѣ, кто полагаютъ, что Дьяволъ не есть достойный противникъ схоласта и ученаго христіанина. Дьяволъ—очень могущественное существо, и если бы не помощь благости Божіей, нашему человѣческому уму не сдобровать бы въ борьбѣ съ мятежнымъ духомъ.

Вниманіе его наконецъ привлекли удары въ дверь.

— Кто тамъ? Войдите?—крикнулъ Абеляръ.

Высокій старикъ въ одеждѣ зажиточнаго каноника вошелъ и сказалъ, стоя у порога:

— Почетный докторъ, я Фульберъ, вы должны знать меня. Я пришелъ просить васъ принять урокъ въ моей семьѣ.

У Абеляра все еще кружилась голова, и появленіе ка-

нонника Фульбера казалось ему продолженіемъ сна. Онъ поспѣшилъ облиться холодной водой и потомъ, усадивъ каноника на свое потертое кресло, приготовился его слушать.

— У меня есть племянница,—говорилъ Фульберъ,—ей уже 15 лѣтъ. Изъ нея надо сдѣлать хорошую христіанку и мать. Слава о вашемъ умѣ и познаніяхъ, достопочтенный докторъ, и о вашихъ добродѣтеляхъ облетѣла міръ. Никто, кромѣ васъ, не сможетъ съ должной силой развить юную душу и дать расцвѣсти въ ней всѣмъ христіанскимъ добродѣтелямъ. Будьте же садовникомъ этой юной души, ибо съ большимъ спокойствіемъ никому не ввѣрилъ бы я ея цѣломудрія и молодости.

Послѣ этого длиннаго вступленія каноникъ приступилъ къ денежной сторонѣ дѣла.

Деньги?—У Абеляра, несмотря на его славу, ихъ было мало. Онъ согласился быть садовникомъ въ цвѣтникѣ Фульбера.

Съ завтрашняго дня должны были начаться уроки.

Абеляръ посѣтилъ каноника на его квартирѣ, и здѣсь-то начались соблазны и козни Сатаны, который болѣе могущественъ, чѣмъ обычно полагаютъ.

По зову каноника открылась дверь, и въ кабинетъ, гдѣ сидѣли двое ученыхъ мужей, вступила дѣвочка въ черномъ платьѣ и скромно потупила глаза, отвѣсивъ поклонъ. Тогда каноникъ, показавъ на нее, сказалъ:

— Вотъ эта юная дѣвица; теперь вы, докторъ,—наставникъ ея. Будьте строги и не стѣсняйтесь прибѣгать къ наказаніямъ, ибо пути науки требуютъ этого.

Послѣ того докторъ и юная дѣвица, которую звали Элоизой, начали занятія. Элоиза съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но безъ страха, смотрѣла на худое черное лицо монаха, съ длиннымъ носомъ, выступающими скулами и горящими проникновенными глазами. Монахъ не смотрѣлъ на нее, опуская все время глаза въ книгу или смотря въ уголъ и давая ученицѣ объясненія. Напрасно она вызывала

его на открытый взглядъ, ибо, несмотря на внѣшнюю суровость, чувствовала въ немъ тихій свѣтъ душевной задумчивости, силу души нѣжной и отреченной. Разъ только, гладя на нее и отвѣчая на одинъ изъ ея наивныхъ вопросовъ, монахъ улыбнулся, и это такъ поразило Элоизу, что она захлопала въ ладоши. На шумъ выставилось въ дверяхъ почтенное лицо каноника и его толстый животъ.

— Что случилось? — спросилъ онъ и погрозилъ дѣвушкѣ пальцемъ.—Строгость нужна,—сказалъ онъ наставнику,—не забывайте о розгахъ...

Монахъ ушелъ смущенный. Въ немъ явственно была уже какая-то отрава. Онъ томился великимъ безпокойствомъ и желаніями, которыя не походили на жажду обладать женщиной, но въ то же время были смутны и мучительны. Его состояніе отразилось на его лекціяхъ, собиравшихъ густую толпу молодежи. Что-то болѣе странное, чѣмъ полагалось на чтеніяхъ по богословіи, врывалось въ его рѣчь о Назарейскомъ Учителѣ и Его ученіи, и восторгъ юныхъ баккалавровъ былъ бѣшеный. Но отцы-схоласты смущались новымъ направленіемъ души Абеляра, и въ числѣ смущенныхъ былъ любимый ученикъ его Арнольдъ, стяжавшій впослѣдствіи великую славу подъ именемъ Арнольда Брешіанскаго.

— Онъ становится необузданъ въ своемъ могучемъ краснорѣчіи,—говорилъ Арнольдъ,—легкій уклонъ на-лѣво— и онъ могущественный союзникъ Сатаны, на-право—и эта сила и страстность вольются въ дѣло небеснаго строительства.

Между тѣмъ самъ докторъ худѣлъ и блѣднѣлъ. Его съѣдала жажда и необузданная мечтательность. Его волю и нервы истощали порывы какой-то безпредѣльной нѣжности и небеснаго восторга. Ему снились однообразные сны: онъ неизмѣнно по какой-то дикой долинѣ несъ на рукахъ ребенка-дѣвушку и спасалъ ее отъ дикихъ звѣрей и разъяренныхъ силъ. И прижималъ къ себѣ хрупкое тѣло, и отъ него проникли въ кровь и кости и мышцы монаха какія-то

токи мученія, нѣжности, любви, соединенной со страхомъ и мукой.

И слѣды тревоги и мученія отражались на докторѣ, онъ сталъ болѣе угрюмъ и молчаливъ. Только на каѳедрѣ отверзались его вдохновенныя уста, и онъ въ самозабвеніи погружался въ область духовности и служенія ей.

Элоиза замѣтила молчаливость и угрюмость доктора и жаждала узнать его причины. Вслѣдствіе этого ея невнимательность къ урокамъ и объясненіямъ учителя поражали Абеляра. Вспомнивъ настойчивые совѣты каноника, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ легкому наказанію, что было обычно въ то время. Но случилось именно то, чего нетерпѣливо ожидалъ Дьяволъ. Видъ нѣжной наготы тѣла Элоизы смутилъ и очаровалъ бѣднаго монаха. Онъ велѣлъ ей встать и оправить платье, самъ же ушелъ, но черезъ минуту вернулся. И ни онъ, ни Элоиза сами не знали, какъ и почему, едва встрѣтились ихъ взгляды, бросились другъ къ другу и тѣсно сплелись въ объятіяхъ.

Поистинѣ велика была любовь Абеляра. Вся душа его горѣла, какъ въ адскомъ огнѣ, и ему казалось, что Дьяволъ уже завладѣлъ его душой и бросилъ въ геену огненную. Онъ размышлялъ, какъ спастись, и видѣлъ, что сѣти сомкнуты со всѣхъ сторонъ и что спасенія нѣтъ.

Убить себя?—не значитъ ли добровольно отдаться Врагу Свѣта. Убить ее?—при мысли объ этомъ онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Ибо томленіе его души, вызванное любовью, было безпредѣльно, и онъ готовъ былъ пойти на крестъ ради этой дѣвушки. Уйти отъ нея—значитъ впасть —въ тенета Дьявола, ибо нѣтъ безумства, котораго онъ не сдѣлаетъ, тоскуя по ней...

— О, Демонъ, ниспосылающій любовь къ женщинѣ! Ты овладѣлъ мной не черезъ тѣло, а—какъ это ни странно—черезъ душу! Душа моя соблазняетъ меня и понуждаетъ тѣло къ грѣху, ибо я люблю ее, люблю ее, люблю ее!..

Но снова гордость и упрямая сила духа овладѣли Абеляромъ, и онъ сталъ высокомѣрно вызывать Дьявола на

бой. И, грѣша любовными объятіями и поцѣлуями съ Элоизой, которая такъ же страстно полюбила его, онъ томился душой и не сдавался въ этой борьбѣ, ища выхода.

Выходъ и разрѣшеніе всего были близки. Ибо не зналъ Абеляръ, что томится онъ любовью духа и что ждетъ его освобожденіе отъ тѣла.

Надъ жизнью его разразился вихрь. Однажды каноникъ засталъ его въ объятіяхъ Элоизы и дико разгнѣвался и поклялся страшно отомстить монаху-соблазнителю. И не прошло недѣли, какъ утромъ, когда монахъ былъ еще въ постелѣ, ворвались къ нему наемные разбойники и слуги каноника и, связавъ его, надругались надъ нимъ и оскопили его.

Вы знаете, читательница, конецъ этой исторіи... Абеляръ заточился въ монастырь и предался уединеннымъ богословскимъ занятіямъ. Элоиза также постриглась. И исторія ихъ безпримѣрной духовной любви въ ихъ письмахъ прошла черезъ вѣка. И теперь, когда отъ праха ихъ слѣда не осталось, мы все еще повторяемъ исторію безсмертныхъ любовниковъ, любовь которыхъ была неистощима.

Н. Муравьевъ.

ЛАМІЯ.

Въ дни весеннихъ новолуній
Приходи, желанный другъ!
На горѣ ночныхъ колдуній
Соберется тайный кругъ.

Вѣрны сладостной Гекатѣ,
Мы сойдемся у костра.
Если жаждешь ты объятій,
Будешь съ нами до утра.

Всѣхъ красивѣй я изъ ламій!
Грудь—бѣла, а губы—кровь.
Я вопьюсь въ тебя губами,
Перелью въ тебя любовь.

Косы брошу я, какъ тучу,
—Ароматомъ ихъ ты пьянъ,—
Оплету, сдавлю, измучу,
Унесу, какъ ураганъ.

А потомъ замру, застыну,
Буду, словно теплый трупъ,
Члены въ слабости раскину,
Явства пышныя для губъ.

Въ этихъ смѣнахъ наслажденій
Будемъ биться до утра.
Утромъ сгинемъ мы, какъ тѣни,
Ты очнешься у костра.

Будешь ты одинъ, безсильный...
Милый, близкій! Жаль тебя!
Я гублю, какъ духъ могильный,
Убиваю я, любя.

Водой спокойной отражены
Они безстрастно обнажены
При тихомъ свѣтѣ ночной луны.

Два отрока, двѣ дѣвы творятъ ночной обрядъ,
И тихіе напѣвы таинственно звучатъ.
Стопами бѣлыхъ ногъ едва колеблютъ струи,
И волны, зыбляся у ногъ, звучатъ какъ поцѣлуи.

Сіяетъ мѣсяцъ съ горы небесъ,
Внимаетъ гимнамъ безмолвный лѣсъ,
Пора настала ночныхъ чудесъ.

Оставлены одежды у темнаго пути.
Свершаются надежды—обратно не идти.
Таинственный порогъ, завѣтная ограда,—
Переступить порогъ, переступить имъ надо.

Ихъ отраженья въ водѣ видны,
И всѣ движенья повторены
Въ завороженныхъ лучахъ луны.

Огонь, пылавшій въ тѣлѣ, томительно погасъ,—
Въ торжественномъ предѣлѣ насталъ послѣдній часъ.
Стопами бѣлыхъ ногъ, омытыми отъ пыли,
Таинственный порогъ они переступили.

ЛИЛОВЫЙ ЧЕРТЕНОКЪ.

А. С. ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

Ты отъ меня навсегда уходила,
Я весь согнулся и рыдалъ.
Вдругъ ободокъ золотого кадила
Я надъ собою увидалъ.

Трудно ли было понять мнѣ значенье?
Прочелъ я сразу свой удѣлъ.
Все-же вглядѣлся я въ злое видѣнье,
Но—это зонтикъ твой блестѣлъ.

Я продолжалъ тосковать, какъ и прежде.
Ты даже медлила уйти...
Только чертенокъ въ лиловой одеждѣ
Запрыгалъ на твоемъ пути.

Мнѣ одному, вѣрно, былъ онъ замѣтенъ,
И я смѣялся подъ рукой.
Вотъ почему былъ я такъ безотвѣтенъ,
Когда прощалась ты со мной.

Этотъ чертенокъ теперь—мой знакомый:
Онъ часто такъ меня смѣшитъ.
Зовомъ какимъ-то чудеснымъ влекомый,
Придетъ и сразу все рѣшитъ.

Только предъ нимъ одинаково правы
И злой рушитель и творецъ:
Часто ихъ свяжетъ онъ ради забавы,
И гдѣ начало? гдѣ конецъ?

Можетъ быть, лучше гораздо бы было
И наконецъ бы я уснулъ,
Если-бъ взамѣнъ золотого кадила
Мнѣ мѣдный зонтикъ не блеснулъ...

ВЛЮБЛЕННАЯ ВЪ ДЬЯВОЛА.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

Кто былъ блѣдный и красивый рыцарь,
Что проѣхалъ на черномъ конѣ,
И какая сказочная птица
Кружилась надъ нимъ въ вышинѣ?

И какой печальный взглядъ онъ бросилъ
На мое цвѣтное окно,
И зачѣмъ мнѣ сдѣлался несносенъ
Міръ родной и знакомый давно?

И зачѣмъ мой старшій братъ въ испугѣ
При дрожащемъ мерцаніи свѣчи
Вынималъ изъ погребовъ кольчуги
И натачивалъ копья и мечи?

И зачѣмъ сегодня въ капеллѣ
Всѣ сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пѣли
Заклинанья противъ мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астрологъ
Съ заклинательной башни въ домъ,
И зачѣмъ былъ такъ странно дологъ
Его споръ съ моимъ старымъ отцомъ?

Я не знаю, ничего не знаю,
Я еще такъ молода,
Но я все-же плачу и рыдаю
И мечтаю всегда.

ТА, КОТОРУЮ Я ЛЮБЛЮ.

А. С. ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

Когда я изваялъ статую «Совершенной», мнѣ открылось, что одинъ образъ водилъ вдохновенно моимъ рѣзцомъ.

Это была та, которую я люблю.

Когда сорвалъ покрывало съ «Совершенной», чернь окружила ее и много смѣялась. Только женщины стояли вдали, не сводя съ творенія моего задумчивыхъ глазъ. Но одна изъ нихъ приблизилась и, смѣшавшись съ чернью, громче черни смѣялась.

Это была та, которую я люблю.

Тогда я сталъ у подножія моего творенія и сказалъ:

— Братья, я обнажилъ передъ вами «Совершенную», сбросьте и вы покрывало, чтобы открылись свѣтлые глаза вашихъ душъ!

Но одинъ женскій голосъ задорно отвѣчалъ:

— Намъ платятъ, когда мы снимаемъ съ себя покрывало.

Это была та, которую я люблю.

И нежданнымъ ударомъ молота я разбилъ свое твореніе. Чернь молча отодвинулась, и женщины въ ужасѣ закрыли глаза. Но, хлопая въ ладоши, подбѣжала одна и въ забавѣ отбросила ногою обломокъ мраморнаго дѣвственнаго тѣла.

Это была та, которую я люблю.

Медленно поднялъ я этотъ обломокъ и коснулся холодными губами его холодной бѣлизны. И въ чернотѣ толпы померкъ мой одинокій свѣточъ. Зловѣще прорѣзая воздухъ, палъ тяжелый обломокъ на голову невиннаго и убилъ его.

— Безумный,—глухо заволновалась чернь.

Несчастный,—тихо заплакали женщины, и лишь одна изъ нихъ закричала:

— Злодѣй!

Это была та, которую я люблю.

А когда на каменномъ полу темницы послѣдній земной сонъ сомкнулъ мои побѣлѣвшія вѣки. я видѣлъ площадь и палача, и чернь, готовыхъ завтра справить вокругъ меня кровавый праздникъ. И, словно Богъ, я былъ къ нимъ равнодушенъ. Потому что я видѣлъ въ то же время, будто съ безконечной нѣжностью легла на лобъ мой маленькая рука и какъ-будто маленькая росинка катилась изъ глазъ Совершенной.

Это была та, которую я люблю.

Ал. Вознесенскій.

НЮРЕНБЕРГСКІЙ ПАЛАЧЪ.

Ѳ. СОЛОГУБЪ.

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча.

И я учился въ школѣ
Въ стѣнахъ монастыря,
Отъ мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я въ юности отвергъ,
И вольною дорогой
Пришелъ я въ Нюренбергъ.

На площади казнили:
У чьихъ-то смуглыхъ плечъ
Въ багряно-мглистой пыли
Сверкалъ кровавый мечъ.

Меня прельстила алость
Казнящаго меча
И томная усталость
Сѣдого палача.

Пришелъ къ нему, учился
Владѣть его мечомъ,
И въ дочь его влюбился,
И сталъ я палачомъ.

Народною боязнью
Лишенный вольныхъ встрѣчъ,
Одинъ предъ каждой казнью
Точу мой темный мечъ.

Одинъ взойду на помостъ
Росистымъ утромъ я,
Пока спокоенъ дома
Строгій судія.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой муки
Въ сверканіи меча!

Ударъ меча обрушу,
И хрустнутъ позвонки,
И кто-то броситъ душу
Въ размахъ моей руки.

И хлынетъ токъ багряный,
И тяжкій трупъ влача,
Возникнетъ кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспѣшно прочь
Отъ скучнаго позора
Въ мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
Въ окошко постучу,
И снова жажда крови
Приникнетъ къ палачу.

Мой сынъ покорно ляжетъ
На узкую скамью,
Опять веревка свяжетъ
Тоску мою.

Стенанія и слезы,—
Палачъ—вездѣ палачъ.
О, скучный блескъ березы!
О, скучный дѣтскій плачъ!

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не бралъ бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча!

ИЗЪ ПѢСЕНЪ АСТАРТѢ.

С. МАКОВСКІЙ.

Пусть молва тебя порочитъ
и ничтожные клянутъ.
Красота твоя пророчитъ, ласки—ждутъ.

Какъ велѣнья Немезиды—
твои страшныя права.
Не страшны тебѣ обиды и слова.

Ты не можешь быть, какъ люди,
оскверненною грѣхомъ.
Ты земная вѣсть о чудѣ міровомъ.

Ты для мукъ и наслажденій
непощадныхъ, какъ судьба.
Ты царица вожделѣній и раба.

Какъ проклятье, какъ святыня,
красота твоя сильна.
Ты—Астарта, ты—богиня, ты—одна.

Ты мой ужасъ, мое счастье,
ты моя—и никого.
Ты молитва сладострастья моего.

——

Любви мнѣ не надо. Любви не хочу я.
Хочу, чтобы ты, не любя,
томилась рабой моего поцѣлуя,
Мнѣ надо—тебя.

Тебя—твоихъ косъ рыжекудрыя пряди,
томленье слабѣющихъ рукъ,
безумное «да» въ ожидающемъ взглядѣ
и тихій испугъ.

Тебя—твою грудь, твои блѣдныя плечи,
твой странный, русалочный ротъ...
Пусть медлятъ и лгутъ наши лживыя
рѣчи—
желанье не лжетъ.

Пускай лаской невольной, пусть пѣной
безстрастной
отвѣтитъ покорность твоя.
Будь только доступной и только прекрасной:
любить буду я.

Моею безвластно, моею несмѣло—
останешься ты холодна.
Но ты мнѣ отдашь твою жизнь, твое тѣло
— до боли, до дна.

——

Точеныхъ плечъ живая блѣдность
и волны ржавыя волосъ,
въ улыбкѣ—смѣна и безслѣдность
то обольщеній, то угрозъ.

Въ ней—родники губящей ласки,
въ ней все—томительный обманъ—
и взоры, сказочнѣе сказки,
и бедра узкія и станъ.

И губъ расцвѣтшихъ въ аломъ чудѣ,
неопыленные цвѣты,
и дерзко-дѣвственныя груди,—
два жала нѣжной наготы.

Нѣмая музыка движеній,
больной рисунокъ тонкихъ рукъ...
Въ ней—всѣ томленья искушеній,
всѣ искушенья страстныхъ мукъ.

Еще невѣдѣнья рабыня,
но жрица сладостныхъ тревогъ,
еще ребенокъ, но богиня,
безгрѣшность, но порокъ.

——

Ты подойдешь ко мнѣ несмѣло,
послушна зову моему,
твое незнающее тѣло
я обниму.

Смущенно опуская вѣжды,
стыдясь объятья моего,
ты даешь мнѣ снять твои одежды,
не понимая для чего.

Любуясь дѣвственнымъ сіяньемъ
твоей покорной наготы,
я утолю однимъ желаньемъ
мои мечты.

Потомъ къ ногамъ твоимъ прекраснымъ
съ безумьемъ властнымъ я прильну
и поцѣлуемъ сладострастнымъ
твои колѣна разомкну.

Я буду нѣмъ къ твоимъ укорамъ,
горячихъ губъ не отниму,
лобзаньемъ долгимъ, жаднымъ взоромъ
тебя возьму!

Цвѣтокъ раскрою я безгрѣшный
и, лепестокъ за лепесткомъ,
я лаской трепетно-неспѣшной
всѣ трепеты исчислю въ немъ...

И вдругъ, блаженно содрогаясь,
истому страсти ты поймешь,
и обезсилишь, улыбаясь,
и вся замрешь.

А я у ногъ твоихъ, счастливый
твоимъ блаженствомъ, буду ждать,
когда для ласки терпѣливой
цвѣтокъ раскроется опять.

——

Твой ротъ. Этотъ ротъ, какъ цвѣтокъ небывалый,
—мой страшный, мой ласковый врагъ,—
безстыдно-невинный, и милый, и алый,
и пламенно алый, какъ макъ.

Онъ душу овѣялъ тоской незнакомой
и въ кровь мою пролилъ свой ядъ.
Желанье горитъ несказанной истомой,
влюбленныя думы пьянятъ.

Твой ротъ. Онъ мнѣ снится, онъ дышитъ повсюду—
не мой, и ни чей, и для всѣхъ.
Твой ротъ, призывающій къ нѣжному чуду,
твой ротъ, соблазняющій грѣхъ.

Его обѣщанья лѣниво-лукавы,
и ласки его безъ числа...
Рубиновый кубокъ блаженной отравы!
Пиры непорочнаго зла!

Онъ—вызовъ безстрастнымъ, онъ—призракъ-мучитель,
онъ знаетъ всѣ тайны и лжетъ.
Твой ротъ искушенный, твой ротъ искуситель.
Открытая рана. Твой ротъ.

ИЗЪ КНИГИ „СИНАГОГА САТАНЫ“.

СТ. ПШИБЫШЕВСКІЙ.

Всюду Демонъ! Сатана торжествуетъ. Нѣкогда пугало, средство укрѣпленія церковной власти—онъ становится всемогущимъ, міръ боится его и старается умилостивить. Люди боялись дышать, чтобы злой духъ не вселился въ тѣло. Въ четвертомъ вѣкѣ появляется чудовищная секта массалійцевъ, которые считаютъ себя одержимыми дьяволомъ; они безпрестанно мечутся во всѣ стороны, вопятъ, плюютъ, извиваются въ ужаснѣйшихъ конвульсіяхъ, чтобы оборониться отъ нечистаго, «ему же имя—легіонъ»...

Сатана принимаетъ тысячи образовъ. Онъ становится богословскимъ, идетъ въ пустыню и томитъ святыхъ отцовъ соблазнительнѣйшими вопросами, онъ сѣетъ въ душахъ ихъ тысячи сомнѣній и колебаній, онъ идетъ въ монастыри и разжигаетъ измученный мозгъ монаховъ обольстительными видѣніями, ночами онъ посѣщаетъ добродѣтельныхъ женъ, отнимаетъ у нихъ волю и разумъ и побуждаетъ ихъ къ безстыдному разврату; онъ вселяется въ мозгъ сотенъ тысячъ вѣрующихъ и въ дикихъ вопляхъ проклинаетъ и богохульствуетъ.

Женщина Среднихъ вѣковъ была малокровна до крайности, она поражала своей грязью, ибо Средніе вѣка вообще болѣзненно боялись воздуха и воды; порабощенная мужчиной, отвергнутая церковью, презираемая даже самимъ Богомъ, Который создалъ ее изъ ребра Адама, женщина была совершеннымъ звѣремъ. Ея злые инстинкты пышно разрастались, какъ илъ на днѣ морскомъ. Мозгъ ея рождалъ бѣшено-мстительные замыслы противъ сосѣдки, посмотрѣвшей на нее косыми глазами, противъ мужа, угощав-

шаго ее пинками, противъ помѣщицы, которая порой, отъ скуки, приказывала ее сѣчь.

Малокровіе и порожденныя грязью кожныя болѣзни постепенно раздражали ея сладострастіе; она отдавалась каждому мужчинѣ, т.-е. безвольно давала насиловать себя, не испытывая никакого удовлетворенія.

Одна лишь вѣчно растущая жажда наслажденія, удовлетворенія, продолжительной половой оргіи мучила женщину-звѣря.

Она всегда находилась въ возбужденномъ состояніи. При дьявольскомъ «меланхолическомъ» темпераментѣ, въ этой «дьявольской купели», каждая мысль, каждое ощущеніе становилось ядомъ. Вопросъ о томъ, когда эта женщина стала вѣдьмой, сводится лишь къ тому, когда у нея появились первые признаки болѣзни.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день это случается. Никогда она еще не чувствовала такого безпокойства. Она мучится болѣзненной жаждой убивать, рвать людей въ клочья, неистовствовать, кричать и вдругъ, точно ее гонитъ какая-то сила, она мчится безотчетно въ лѣсъ, не бѣжитъ, а летитъ,—чувствуетъ, что ее несетъ по воздуху, пока, наконецъ, она не падаетъ.

И вотъ рядомъ съ нею появляется инкубъ. Онъ очень красенъ, одѣтъ какъ охотникъ, немного хромаетъ, прячетъ хвостъ, насколько возможно, и роговъ его не видно, но она знаетъ навѣрно, что это чортъ. Ей страшно, но въ то же время ее мучитъ любопытство. Она знаетъ его могущество, она знаетъ, что онъ можетъ дать ей все, чего она ни пожелаетъ; въ это мгновеніе она не думаетъ о томъ, что деньги его оказываются потомъ пескомъ или грязью; ей очень страшно, но любопытство пересиливаетъ страхъ.

Между тѣмъ, чортъ приближается съ ласковыми, но весьма недвусмысленными движеніями. Онъ—молъ—знаетъ нужду ея сердца, знаетъ, чего ей не достаетъ, онъ согласенъ исполнить ея желанія; если она отдастся ему—conditio

sine qua non—она не будетъ раскаиваться въ этомъ. Онъ становится все настойчивѣе. Она еще защищается, но чувствуетъ уже, какъ тяжесть его тѣла опустилась на нее, и она даетъ совершиться ужасному.

Это не сладострастіе; отъ этого больно и холодно, о, какъ холодно!

Придя въ себя, она замѣчаетъ, что удалилась отъ своей деревни на двѣ мили. Она дрожитъ, какъ въ ознобѣ, все тѣло разбито, ей страшно трудно идти назадъ, и только робкая надежда, что желанія ея исполнятся, поддерживаетъ ее на ногахъ.

Но ни одно изъ ея желаній не исполняется, страшная мука, раскаяніе и страхъ передъ адомъ, страхъ, что ее живую утащутъ въ адъ, доводитъ ее до безумія. Она переживаетъ, бокъ-о-бокъ съ храпящимъ мужемъ, ужасную ночь. Адъ съ его ужасными пытками разверзается передъ ея глазами, съ безумнымъ отчаяніемъ вперяетъ она въ него глаза, хочетъ молиться, но что-то насильно отрываетъ ее отъ молитвы, адскій хохотъ раздается въ комнатѣ, маленькіе зеленые огоньки носятся взадъ и впередъ, потомъ она слышитъ стуки въ стѣнахъ, растущіе до страшнаго грохота, ея постель кружится, одѣяло, которымъ она накрылась, начинаетъ плясать, она хочетъ разбудить мужа, но лежитъ, какъ скованная, и не можетъ двинуться—и вдругъ опять видитъ его.

И вновь испытываетъ она пытку холоднаго, какъ ледъ, полового акта, но теперь она уже не такъ боится и даже задаетъ вопросы своему адскому любовнику. Въ сущности онъ очень любезенъ. Онъ совѣтуетъ ей сходить къ вѣдьмѣ, которая живетъ въ лѣсу, и довѣриться ей; тогда она получитъ отъ нея травы, обладающія чудесной силой.

Когда дьяволъ покидаетъ ее, она впадаетъ въ тяжелый мертвый сонъ.

На другое утро, послѣ пробужденія, первая ея мысль—

старая вѣдьма. Ея мужа послалъ куда-то помѣщикъ, а дѣтей у нея нѣтъ. Она съ нетерпѣніемъ ждетъ вечера.

Съ замираніемъ сердца, гонимая страхомъ, она приходитъ, наконецъ, къ наглухо запертому дому вѣдьмы.

Никто не помнитъ, когда страшная старуха пришла въ деревню. Ея боятся; когда она идетъ по улицѣ — на улицѣ паника. Матери убѣгаютъ съ дѣтьми, а если убѣжать невозможно, то творятъ крестное знаменіе или произносятъ имя Іисуса, старательно избѣгая прикосновенія къ —ней и не давая ей взглянуть на себя.

Но вѣдьма, повидимому, ни на что не обращаетъ вниманія, она только бормочетъ что-то подъ носъ, и время отъ времени кидаетъ на тотъ или другой домъ короткій, острый взглядъ.

Ее давно побили бы камнями за ея безчисленныя преступленія, но боятся помѣщицы, которая охраняетъ ее, такъ какъ получаетъ отъ вѣдьмы яды для тайныхъ цѣлей.

Между женщиной и вѣдьмой, которая, кажется, даже ждала ее, завязывается долгій разговоръ. Женщина возвращается домой, полная рѣшимости и мужества, и судорожно сжимаетъ въ рукѣ горшочекъ мази и палочку, которую она должна спрятать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ея не найдетъ никто, кромѣ принадлежащихъ къ «той же сектѣ».

Наконецъ, наступаетъ желанная минута. Она извѣщена, что въ такой-то день состоится посѣщеніе «синагоги».

Въ полночь она раздѣвается догола и натирается мазью, полученной отъ вѣдьмы. Натираетъ все тѣло, главнымъ образомъ подъ мышками, надъ сердцемъ, темя и половые органы.

Она впадаетъ тотчасъ же въ «твердый, какъ камень», сонъ, который продолжается очень недолго, часто только одно мгновеніе.

«Просыпается» и отправляется въ синагогу.

Какъ она попадаетъ туда, она не знаетъ. Помнитъ всѣ обстоятельства своего путешествія, знаетъ навѣрно, что

шла пѣшкомъ, припоминаетъ, что по дорогѣ съ ней заговаривали, но больше ничего.

Долго ли она шла, или нѣтъ—она не знаетъ. Мѣсто, куда она наконецъ попадаетъ, ей немного знакомо. Это жуткое мѣсто на одной горѣ, о которомъ она уже раньше слыхивала, пустынная поляна, которая пользуется дурной славой—безъ дороги, безъ жилища поблизости.

Она уже застаетъ большое собраніе—мужчинъ (ихъ немного), женщинъ и дѣтей. Нѣкоторыхъ она, кажется, узнаетъ, но не совсѣмъ, такъ какъ очень темно и безпокойное пламя факеловъ искажаетъ фигуры, превращая ихъ въ страшныя привидѣнія.

Она видитъ женщинъ, полуобнаженныхъ, дико прыгающихъ взадъ и впередъ, въ растерзанныхъ платьяхъ и съ распущенными волосами, легко и быстро, точно у нихъ нѣтъ вѣса. Время отъ времени подымается вой: «Гаръ! Гаръ! Шабашъ! Шабашъ!» Вдругъ, какъ по данному знаку, всѣ присутствующіе становятся въ кругъ, заложивъ руки за спины попарно—мужчина (онъ большей частью дьяволъ-любовникъ) и женщина, спина къ спинѣ, и вотъ начинается ярый вихрь пляски. Головы все быстрѣе откидываются назадъ, подымается громкій ревъ распутныхъ пѣсенъ, прерываемыхъ задыхающимся, хриплымъ «Гаръ! Гаръ! Дьяволъ! Дьяволъ! Прыгай здѣсь! Прыгай тамъ!»

Оргія въ дикихъ прыжкахъ, въ головокружительной путаницѣ достигаетъ своего апогея. Звѣрь вырвался наружу, алчная похоть смѣшивается съ жаждой крови, безуміе сладострастія разгорается въ головокруженіи.

Пляска разстроена, люди бросаются другъ на друга, мужчины и женщины, безъ разбора, отецъ на дочь, братъ на сестру, мужчина на мужчину, все собраніе извивается въ невѣроятнѣйшемъ противоестественномъ распутствѣ; какъ псы, лежатъ они другъ на другѣ, застывъ въ судорогахъ, и въ отвратительные стоны нечеловѣческаго, мучительнаго совокупленія врывается хриплое «Гаръ! Гаръ!»

Женщина управляетъ сборищемъ и доводитъ его до экзальтаціи. Чтобы отречься отъ малѣйшихъ признаковъ стыда, она сплетаетъ руки за спиной, бросается на спину, подымаетъ вверхъ широко разставленныя ноги и съ хриплыми криками отдается фаллосу. Древняя жрица Кибелы просыпается въ ней съ удвоенной силой; теперь она—одержимая нимфоманіей фурія, фурія съ нечеловѣческой чувственностью, для которой грязь и отвращеніе—похотливыя наслажденія. Похоть завершается кровожадностью; она рветъ ногтями собственное тѣло, вырываетъ толстыя пряди волосъ изъ головы, царапаетъ себѣ грудь, но всего этого мало, чтобы насытить алчбу звѣря. Она бросается на ребенка, который приносится въ жертву Сатанѣ, рветъ ему грудь зубами, вырываетъ сердце, пожираетъ его, обливающееся кровью, или разрываетъ ему артеріи на шеѣ и пьетъ брызнувшую оттуда струю крови, или зажимаетъ его мягкую головку между ногъ и кричитъ: «Иди туда, откуда вышелъ!» Безчисленныя видоизмѣненія этого похотливаго убійства ребенка всегда являются ужасной жертвой кровожаднаго Сатаны, царящаго въ женщинѣ.

Послѣ этой подготовительной оргіи, которой заключается настоящій, реальный шабашъ, шабашъ вавилонянъ, грековъ и римлянъ, шабашъ до-манихейскій, начинается шабашъ послѣ-манихейскаго періода.

Фактическій элементъ исчезаетъ, сознаніе меркнетъ, разверзается безмѣрное царство ночи.

Появляется Сатана.

Чаще всего онъ принимаетъ образъ козла, но иногда видятъ его и въ человѣческомъ обликѣ. Онъ кажется сидящимъ на тронѣ, въ немъ есть что-то напоминающее человѣка, но все неясно, какъ бы затуманено .

Лишь изрѣдка удается ясно видѣть его. Онъ страшенъ! Всѣ члены его разрослись до чудовищныхъ, гигантскихъ размѣровъ. На головѣ у него корона изъ черныхъ роговъ; одинъ изъ нихъ такъ ярко горитъ, что весь шабашъ освѣ-

щенъ имъ ярче, чѣмъ полной луной. Глаза его огромны, широко открыты и совершенно круглы. Это получеловѣкъ, полукозелъ,—у него человѣческія конечности, женскія, дрябло отвисшія груди; особенно же бросается въ глаза его гигантскій искривленный фаллосъ, похожій на огромный собачій хвостъ, раскаленно-красный, заканчивающійся женскими половыми органами.

Голосъ его страшенъ, но беззвученъ, хриплъ; его трудно понимать. «Онъ всегда выказываетъ большую надменность, соединенную съ манерами меланхолическаго принца, который скучаетъ».

Подъ пупомъ у него другое лицо, еще болѣе страшное, чѣмъ верхнее, съ широко разинутой пастью и высунутымъ языкомъ.

Лишь только онъ появляется, начинается месса. Ей предшествуетъ всеобщая исповѣдь, и каждый кается въ томъ, что сдѣлалъ добраго. Каются въ страшномъ грѣхѣ цѣломудрія, въ смертномъ грѣхѣ смиренія, терпѣнія, умѣренности и любви къ ближнему. Каются въ страшныхъ и противоестественныхъ грѣхахъ, заключающихся въ исполненіи десяти Моисеевыхъ заповѣдей, и горько скорбятъ о томъ, что упустили случай совершить преступленіе.

Козелъ слушаетъ внимательно и раздаетъ страшные удары, ибо онъ не любитъ половинчатыхъ.

Каждый вступающій въ его церковь долженъ цѣликомъ исполнять его заповѣди.

Послѣ исповѣди ему представляютъ тѣхъ, кто хочетъ вступить въ его церковь. Дрожа отъ страха, они предстаютъ передъ тономъ владыки.

— Чего ты хочешь? Хочешь стать однимъ изъ моихъ?—рычитъ онъ на пришельца.

— Да.

— Тогда желай и дѣлай то же, чего я желаю.

И вотъ вступающій произноситъ слѣдующую формулу:

— Отрекаюсь отъ Бога, отъ Іисуса Христа, Святого

Духа, св. Дѣвы, святыхъ, святого Креста и т. д., во всемъ предаюсь въ твою власть и въ руки твои и не признаю иного бога, ибо ты богъ мой, а я твой рабъ.

Послѣ этого неофитъ цѣлуетъ Сатану въ лицо подъ пупомъ и тѣмъ клянется въ вѣчномъ рабствѣ и въ покорности власти Дьявола.

Сатана когтями сцарапываетъ у него со лба слѣды крещенія, въ грязной купели неофитъ подвергается новому крещенію, причемъ онъ торжественно клянется никогда не принимать причастія иначе, какъ для преступныхъ цѣлей, клянется оплевывать и осквернять св. реликвіи, хранить тайну шабаша, вербовать новыхъ приверженцевъ для церкви Сатаны и посвящать ей всѣ свои силы.

Церемонія достигаетъ своей кульминаціонной точки въ страшной просьбѣ неофита къ Сатанѣ, чтобы онъ вычеркнулъ его изъ книги жизни и внесъ его въ книгу смерти. Дьяволъ ставитъ свой знакъ на вѣкахъ, плечѣ, губахъ неофита, женщинамъ же на грудномъ сосцѣ, чаще же на половыхъ частяхъ.

Договоръ съ дьяволомъ заключенъ, человѣкъ безвозвратно подпалъ дьяволу. Съ этого момента природа его совершенно измѣняется, въ душѣ его все переворачивается вверхъ дномъ, законъ, обуздывавшій до сихъ поръ звѣря, становится надъ нимъ безсильнымъ, всѣ добродѣтели, навязанныя ему закономъ, отбрасываются съ издѣвательствомъ, и женщина возвращается къ своей древней природѣ.

Вся мрачная, кошмарная исторія Среднихъ вѣковъ отражается въ ужасахъ шабаша.

Шабашъ—это оргіазмъ разнузданныхъ инстинктовъ, мощное возстаніе угнетенной плоти, мрачное аллилуія пригвожденнаго ко кресту язычества.

Ст. Пшибышевскій.

Флорентійскій живописецъ и мозаистъ Тафи очень боялся чертей, особенно въ тѣ часы ночи, когда силамъ зла дано царить во мракѣ. И страхи Тафи не были неосновательны, такъ какъ демонамъ было тогда за что ненавидѣть живописцевъ, одной картиной вырывавшихъ у нихъ изъ рукъ больше душъ, чѣмъ сколько умѣлъ вырвать добрый монашекъ тремя десятками полученій. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы внушить вѣрнымъ спасительный ужасъ, монаху приходилось описывать день гнѣва, когда весь міръ обратится въ прахъ, по свидѣтельству Давида и Савиллы. И монахъ усиливалъ голосъ и свистѣлъ въ кулакъ, подражая трубѣ архангела. Но все это уносилось вѣтромъ. Между тѣмъ картина, выставленная на стѣнѣ часовни или монастыря, съ изображеніемъ Іисуса Христа, судящаго живыхъ и мертвыхъ, говорила безъ конца взорамъ грѣшниковъ и черезъ око исправляла смертныхъ, согрѣшившихъ черезъ око и иначе. Это было время, когда искусные мастера изображали таинство божественнаго правосудія въ Санта-Кроче во Флоренціи и на Кампо-Санта въ Пизѣ. Эти работы были выполнены по стихотворному разсказу Данти Алигіери, человѣка весьма свѣдующаго въ богословіи и каноническомъ правѣ, объ его странствіи по аду, чистилищу и раю, куда онъ проникъ живой въ силу необычайныхъ заслугъ своей дамы. Поэтому все въ этихъ картинахъ было поучительно и вѣрно истинѣ, можно утверждать, что меньше пользы принесетъ чтеніе обширнѣйшей хроники, нежели созерцаніе такихъ образовъ. И флорентійскіе мастера старались рисовать, какъ въ тѣни апельсинныхъ деревъ, на пестрящей цвѣтами травѣ, дамы и кавалеры бесѣдуютъ о любви подъ звуки лютней и скрипокъ, а ихъ подкарауливаетъ со своей косой смерть. Ни-

что не могло лучше обращать плотскихъ грѣшниковъ, пьющихъ забвеніе Бога на устахъ женщинъ. Для исправленія скупыхъ живописецъ изображалъ въ натуральную величину чертей, вливающихъ расплавленное золото въ ротъ епископу или настоятельницѣ, плохо оплатившимъ данный художнику заказъ. Потому-то и были демоны въ тѣ времена врагами живописцевъ, въ особенности флорентійскихъ живописцевъ, превосходившихъ всѣхъ другихъ тонкостью своего таланта. Больше всего они ставили имъ въ упрекъ, что тѣ изображаютъ ихъ въ видѣ отвратительныхъ чудовищъ съ птичьими или рыбьими головами, съ тѣломъ змѣи и крыльями летучей мыши. Какъ они къ этому относились, можно видѣть изъ исторіи Спинелло.

Спинелло Спинелли изъ Ареццо происходилъ изъ благороднаго дома флорентійскихъ изгнанниковъ. Благородство его ума равнялось благородству его рожденія. Онъ былъ искуснѣйшимъ живописцемъ своего времени. Большія работы выполнилъ онъ во Флоренціи. Пизанцы дали ему заказъ украсить, по образцамъ Джотто, стѣны святого монастыря, въ коемъ покойники почиваютъ на розахъ, выращенныхъ въ землѣ, привезенной изъ Іерусалима. Проработавъ много времени въ этихъ городахъ и скопивъ большія деньги, Спинелло почувствовалъ желаніе вновь увидѣть родимый городъ, славный Ареццо. Аретинскіе граждане не забыли, что въ молодости своей, записавшись въ братство святой Маріи Милосердной, Спинелли посѣщалъ больныхъ и погребалъ мертвыхъ во время чумы 1383 года. Они были ему признательны и за то, что своими работами онъ распространилъ славу Ареццо по всей Тосканѣ. А потому они приняли его съ большимъ почетомъ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ взялъ на себя важныя обязанности въ городѣ. Его жена говорила ему:

— Ты богатъ. Отдохни теперь, и пусть молодые люди пишутъ вмѣсто тебя. На склонѣ лѣтъ разумно отдыхать. Доживать свой вѣкъ слѣдуетъ въ спокойствіи и благочестіи. Возводить безъ конца свѣтскія сооруженія, какъ какія-то ва-

вилонскія башни,—это значитъ искушать Бога. Если ты не бросишь, Спинелло, штукатурныхъ работъ и красокъ,—ты потеряешь въ нихъ твой душевный миръ.

Такъ говорила эта добрая женщина. Но онъ ея не слушалъ. Онъ думалъ объ одномъ—объ умноженіи своего богатства и своей славы. Вмѣсто отдыха онъ заключилъ договоръ съ мастерами Сантъ-Аньоло о разрисовкѣ церковныхъ хоръ исторіей архангела Михаила: въ ней должно было быть множество фигуръ. Съ изумительнымъ жаромъ принялся онъ за это дѣло. Перечитывая мѣста Писанія, которыми онъ долженъ былъ вдохновиться, онъ глубоко вникалъ въ смыслъ каждой строки и каждаго слова. Цѣлый день рисовалъ онъ въ своей мастерской, но, не довольствуясь этимъ, онъ еще работалъ въ постели и за столомъ. А вечеромъ, прогуливаясь у подошвы холма, на которомъ возвращается со своими гордыми стѣнами и башнями Ареццо,—онъ продолжалъ обдумывать свою работу. И можно сказать, что вся исторія Архангела была уже начертана въ его мозгу, когда онъ приступилъ къ эскизамъ краснымъ карандашомъ на штукатуркѣ стѣны. Онъ скоро кончилъ намѣчать контуры; затѣмъ надъ главнымъ алтаремъ онъ принялся писать сцену, которая должна была великолѣпіемъ превзойти другія. Ибо здѣсь нужно было прославить вождя небесныхъ воинствъ за побѣду, одержанную имъ еще до начала временъ. Итакъ, Спинелло изобразилъ архангела Михаила, сражающагося въ воздухѣ съ змѣемъ о семи головахъ и о десяти рогахъ, а внизу картины задумалъ онъ представить князя демоновъ Люцифера, въ видѣ ужаснаго чудовища. Фигуры рождались сами собой изъ-подъ его руки, и эта фигура удалась ему больше, чѣмъ онъ могъ надѣяться: лицо Люцифера было дотого отвратительно, что невозможно было избавиться отъ силы его безобразія. Это лицо преслѣдовало художника на улицѣ и не покидало его до самаго жилища.

Когда пришла ночь, Спинелло легъ въ постель рядомъ съ женой и заснулъ. Во снѣ онъ увидѣлъ ангела, красотой

своей равнаго архангелу Михаилу, но чернаго цвѣтомъ. Черный ангелъ сказалъ ему:

— Спинелло, я—Люциферъ. Гдѣ же ты меня видѣлъ, что изобразилъ меня въ столь позорномъ видѣ?

Старый художникъ ему отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ, что онъ его не видалъ никогда глазами, такъ какъ не ходилъ, подобно Данте Алигіери, живымъ по аду; но что, изображая его въ такомъ видѣ, онъ хотѣлъ выразить наглядно все безобразіе грѣха.

Люциферъ пожалъ плечами,—художнику показалось, что приподнялся Санъ-Джеміанскій холмъ—и сказалъ:

— Спинелло, сдѣлай мнѣ удовольствіе; давай разсуждать. Я недурной діалектикъ; Тотъ, Кому ты молишься, это знаетъ.

Не получая отвѣта, Люциферъ продолжалъ такъ:

— Спинелло, ты прочелъ книги, которыя говорятъ обо мнѣ? Тебѣ извѣстно, что было со мной, и какъ я покинулъ небеса, чтобы сдѣлаться княземъ міра. Великое предпріятіе, и оно было бы единственнымъ, если бы гиганты не напали такимъ же образомъ на бога Юпитера. Ты вѣдь видѣлъ это, Спинелло, на античной гробницѣ, гдѣ борьба эта изваяна изъ мрамора.

— Это правда,—сказалъ Спинелло,—я видѣлъ эту гробницу въ формѣ ящика во Флоренціи въ Санта-Репаратѣ. Это прекрасное созданіе римлянъ.

— И, однако,—возразилъ Люциферъ съ улыбкой,—гиганты тамъ изображены совсѣмъ не лягушками, не хамелеонами.

— Но вѣдь они,—замѣтилъ художникъ,—и нападали не на истиннаго Бога, а лишь на идола язычниковъ. Это существенно важно. Тогда какъ вы, Люциферъ, подняли знамя возстанія противъ истиннаго Царя земли и неба; это несомнѣнно.

— Не отрицаю,—отвѣтилъ Люциферъ.—Сколько же разныхъ грѣховъ приписываешь ты мнѣ за это.

— Вполнѣ можно приписать вамъ семь,—отвѣчалъ художникъ, — и это все смертные грѣхи.

— Семь,—воскликнулъ Ангелъ Тьмы,—вотъ богословское число. Все идетъ семерками въ моей исторіи, а она тѣсно связана съ исторіей Другого. Спинелло, ты меня считаешь гордымъ, злобнымъ и завистливымъ. Я согласенъ признать это, но подъ условіемъ, что и ты признаешь, что я стремлюсь къ одной славѣ. Думаешь ли ты, что я скупъ. Соглашусь и съ этимъ. Скупость—добродѣтель царей. Что касается обжорства и роскоши, если ты поставишь ихъ мнѣ въ упрекъ, я не стану сердиться. Остается лѣность.

Произнося это слово, Люциферъ скрестилъ руки на своей бронѣ; онъ наклонилъ свою темную голову и встряхнулъ пламенемъ своихъ волосъ.

— Спинелло, думаешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, что я лѣнивъ? Считаешь ли ты меня низкимъ, Спинелло? Полагаешь ли ты, что въ моемъ возмущеніи мнѣ не хватало мужества? Нѣтъ. Итакъ, было бы справедливо нарисовать меня въ образѣ борца съ гордымъ челомъ. Ни къ кому не слѣдуетъ быть несправедливымъ, даже къ дьяволу. Не видишь ли ты, что оскорбляешь Того, Кому ты молишься, давая Ему въ противники чудовищную жабу. Спинелло, ты очень невѣжественъ для твоего возраста. Мнѣ очень хочется надрать тебѣ, какъ плохому школьнику, уши.

При этой угрозѣ, увидавъ, что рука Люцифера протянулась уже надъ нимъ, Спинелло поднялъ къ головѣ руки и зарычалъ отъ ужаса.

Добрая жена его, внезапно проснувшись, спросила его, что съ нимъ. Онъ отвѣчалъ, стуча зубами, что только-что видѣлъ Люцифера и дрожитъ за свои уши.

— Я же тебѣ говорила,—отвѣтила ему эта добрая женщина,—эти фигуры, что ты съ упрямствомъ пишешь на стѣнахъ, сведутъ тебя, наконецъ, съ ума.

— Я не сошелъ съ ума,—сказалъ художникъ,—я его видѣлъ; онъ прекрасенъ, хотя печаленъ и гордъ. Завтра же я сотру ужасную фигуру, которую я нарисовалъ, и на

ея мѣстѣ помѣщу ту, что видѣлъ во снѣ. Ибо не слѣдуетъ дѣлать несправедливости даже дьяволу.

Спинелло хотѣлъ встать; но ему измѣнили силы, и онъ свалился безъ чувствъ на подушку. Нѣсколько дней еще томила его лихорадка, и потомъ онъ умеръ.

ПРОГУЛКА ЗА ВОРОТА.

Т. МАННЪ.

Лука уже былъ на порогѣ, уже оттолкнулъ растрескавшуюся дверь, но еще разъ остановился; глухой голосъ старика, который, казалось, уже давно поглощенъ временемъ, еще разъ овладѣлъ имъ.

— Ступай и пройди міръ, воюя! Когда онъ будетъ лежать позади тебя на колѣняхъ, и ты вернешься къ намъ, какъ каждый къ намъ возвращается, что совершилъ ты тогда иного, какъ не прогулку за ворота?

Три старухи выбрасывали, визжа, свое холодное дыханіе въ холодный воздухъ сырого зала. Трещины въ его стѣнахъ ежедневно прибывали, гнили дубовые тесы, порывавшіе ихъ, и безпомощно и молчаливо слѣпли стекла.

У одной изъ старухъ былъ вздутый съ гору животъ, у другой—невѣроятно распухшая шея, у третьей—горбъ. Чѣмъ питали онѣ свои чудовищные наросты? Лукѣ казалось, что его юностью, словно голубь поворачивавшей голову и дрожавшей въ ихъ старыхъ когтяхъ; его свѣжею кровью, высасываемою изъ его груди ихъ изжитыми, разочарованными поученіями.

Старикъ былъ слѣпымъ. Чѣмъ наполнялъ онъ свой засорившійся мозгъ? Яркими юными грезами Луки: грезами о цвѣтущихъ лужайкахъ, гдѣ молодыя женщины съ черными волосами вѣнчаютъ розами свѣтлокудрыхъ рыцарей; о бѣлыхъ городахъ, тоскующихъ на берегу лиловыхъ морей о своихъ завоевателяхъ. Старикъ бралъ у него эти грезы и говорилъ, что онѣ ничего не стоятъ. Жалобно донеслись изъ глубины:

— Пойди и освободи Бога изъ плѣна его враговъ. Заставь сатану молить о пощадѣ! Ступай и завоюй царства!

Ступай и женщину сдѣлай своею царицей. У цѣли отрезвленный и лишенный гордости, ты узнаешь, что все было величественнѣе и прекраснѣе, пока ты еще грезилъ. Самое лучшее совершилось, прежде чѣмъ ты открылъ глаза; твой сонъ предвосхитилъ все. Онъ спѣшитъ впереди тебя, неся мечъ, который ты не въ силахъ поднять. Ты крадешься вослѣдъ съ пустыми руками.

Летучая мышь прорѣзала темный залъ, коснувшись лица Луки.Онъ принялъ ее за слово старика, долетѣвшее къ нему. Встрепенувшись, онъ выбѣжалъ чрезъ дворъ за ворота. Онъ уже спустился наполовину съ холма; отъ мрачнаго замка виднѣлись еще только косыя, изодранныя крыши.

Внизу въ сѣромъ сумракѣ вечера простиралось обширное поле. Что-то похожее на тѣни невидимыхъ предметовъ скользило надъ нимъ. Вверху тяжело двигались нависшія тучи. Въ одной точкѣ громаднаго пространства испуганно и одиноко тѣснилось стадо маленькихъ овецъ. Глубоко закутавшись въ складки своего плаща, сидѣлъ пастухъ и не шевелился. Нигдѣ не залаяла собака, но Лука все-же ясно замѣтилъ, какъ какой-то мужчина въ шляпѣ съ перомъ схватилъ ягненка и убѣжалъ съ нимъ.

Лука тотчасъ же бросился за нимъ. Прижимая мечъ къ бедру, онъ дѣлалъ большіе прыжки. „Пусть украдетъ онъ все стадо,—думалъ онъ,—только не этого ягненка». Догонитъ ли онъ похитителя прежде, чѣмъ тотъ скроется въ лѣсу? Спотыкаясь на незнакомой почвѣ, онъ кричалъ безпрерывно: «Только не этого ягненка! Слышишь, только не этого!» Но тотъ уже достигъ деревьевъ, а Лука былъ еще въ тридцати шагахъ отъ него. Онъ уже хотѣлъ вынуть свой мечъ изъ ноженъ: тогда кто-то закованный въ черныя латы выскочилъ изъ куста и ударилъ похитителя клинкомъ по рукѣ такъ, что тотъ выронилъ ягненка. Съ пронзительнымъ крикомъ убѣжалъ похититель, конь съ закованнымъ въ въ латы скрылся въ чащѣ, и Лука остался одинъ, запыхавшись стоя надъ ягненкомъ.

Поднявъ его, онъ медленно и бережно понесъ его въ лѣсъ, къ часовнѣ, виднѣвшейся при свѣтѣ звѣздъ на прогалинѣ. Онъ опустилъ его на алтарь предъ образомъ Богоматери, и тотчасъ же изъ ягненка сталъ маленькій мальчикъ, который, улыбаясь, схватилъ руку Дѣвы своей лѣвой рукой. Правую же онъ, благословляя, поднялъ надъ Лукою, упавшимъ на колѣни. «Что это?—думалъ Лука, опустивъ голову.—Что я сдѣлалъ? Кто совершилъ это, я или закованный въ латы?»

Онъ не могъ болѣе смотрѣть на мальчика и, согнувшись, выскользнулъ наружу. Тамъ благоухающая ночь вновь выпрямила его, и онъ шелъ въ теченіе двухъ часовъ, пока уже стали рѣдѣть деревья. Вдругъ онъ услышалъ рѣзкій крикъ и увидѣлъ закованнаго въ черныя латы, который, грозя длиннымъ мечомъ, гонялъ вокругъ сосны сѣраго монаха. Монахъ обхватывалъ стволъ обѣими руками и съ быстротою молніи обѣгалъ его кругомъ, увертываясь отъ ударовъ. «Милости! милости! господинъ, спасите меня отъ убійцы!»—кричалъ онъ пронзительно. «Развѣ вы не видите, что это самъ дьяволъ?» Въ бѣшенствѣ бросился Лука на закованнаго въ латы, который угрожалъ набожному человѣку. «Ахъ, это ты, кто отнялъ у меня вора!»—кричалъ онъ. «Ты помѣшалъ мнѣ спасти ягненка собственными руками!» И онъ вонзилъ ему въ лицо оружіе.

Гремя упалъ тотъ на темныя иглы; монахъ захохоталъ по-козлиному. Лука обернулся къ нему: его уже не было; острый запахъ остался послѣ него.

Полный стыда, Лука забормоталъ: «Встань, я прошу тебя!» Закованный въ латы оперся на колѣно и поднялъ свой крючковатый носъ къ лунѣ; изъ его лѣвой глазной впадины, зіявшей своей пустотою, широкой струей текла кровь по бѣлой щекѣ.

— Ты усталъ,—сказалъ Лука и подвелъ ему его коня.

Но тотъ отвѣтилъ:

— Онъ для тебя. Ты побѣдилъ, и я принадлежу тебѣ.

И онъ принудилъ Луку встать на его желѣзную руку, чтобы взобраться на высокую спину коня.

Они проѣхали большое разстояніе, и Лука не слышалъ ничего, кромѣ громыханія закованнаго въ желѣзо, идущаго передъ своимъ конемъ; не видѣлъ ничего, кромѣ темно-красной полосы—каждый разъ, когда тотъ оборачивалъ голову.

Затѣмъ по сторонамъ ~~улицы~~ появилась кайма цвѣтущихъ кустовъ, колеблемыхъ ночнымъ вѣтромъ. Надежды—еще заспанныя птицы—выпархивали изъ темноты. За полуоткрытыми калитками садовъ бѣлая каменная грудь просила: «Останься!» Но вверху, гдѣ въ невѣрномъ свѣтѣ луны исчезла за горами тропинка, что-то проносилось встревоженно: рой приключеній, которыя еще нужно было испытать, красота, ждущая освобожденія, величіе, жаждущее быть завоеваннымъ.

Росистымъ утромъ, когда день бросилъ на сѣрую дорогу свои первыя розы, они находились высоко надъ апельсиновыми рощами, изъ глубины которыхъ вонзались въ небо острыя башни какого-то замка. По террасамъ скалъ спускались къ морю сонные дома города. За стѣной кипарисовъ въ пустынной синевѣ тумана лежало море. Далеко позади нихъ надъ прибрежнымъ мысомъ проплывало что-то, словно сѣрая стая перелетныхъ птицъ; это одинокій парусъ, удаляясь отъ берега, былъ захваченъ другими, и всѣ вмѣстѣ тѣснились они вокругъ скалистаго мыса.

Лука не понималъ, отчего шаги его стали внезапно легче, отчего грудь подымалась при дыханіи выше. Что-то загремѣло возлѣ него: единственный глазъ закованнаго въ латы былъ обращенъ къ нему.

— Діанора, дочь графа Мельфи, похищена сегодняшней ночью султаномъ Берберіи; еще никто не знаетъ объ этомъ. Слава ея красоты не давала ему до тѣхъ поръ покоя, пока не захватилъ онъ ее на свой корабль. Теперь она уже далеко.

— Я возвращу ее!—воскликнулъ Лука и сталъ спускаться по дорогѣ къ Мельфи. Но его спутникъ былъ уже далеко впереди.

Всѣ уступы скалъ внизу были полны пестрымъ народомъ; съ громкими воплями протягивались безсильныя руки къ опустѣвшему морю: «Ея нѣтъ, какъ можемъ мы еще жить?» Всѣ лица были блѣдны отъ скорби, горе вошло во всѣ дома.

— Я возвращу ее!—воскликнулъ Лука, и тотчасъ же потянулись за нимъ ликующія толпы, ожидая его подвига. Ворота замка отворились, и оттуда вышелъ закованный въ латы, а рядомъ съ нимъ графъ Мельфи, который поцѣловалъ Лукѣ руку: «Вы вернете ее, господинъ! Вы вернете ее себѣ самому, она ваша!»

Небольшое судно было спущено для нихъ въ воду. Закованный въ латы всталъ къ мачтѣ, Лука сѣлъ къ рулю. Голоса съ берега уже не достигали ихъ: быстрѣе мыслей неслись они вслѣдъ за берберійскими парусами. И уже вынырнули эти паруса изъ синевы тумана и казались имъ величиною съ крыло цапли. Лука думалъ: «Похититель еще не у себя дома и на невѣрной почвѣ онъ держитъ свою добычу; она еще можетъ ускользнуть отъ него».

Вдругъ загремѣлъ панцырь закованнаго въ латы. Они были уже совсѣмъ близко и смотрѣли, какъ разбивались корабли язычниковъ. Съ трескомъ падали въ воду доски: мачты опрокидывались.

Лука повернулся туда: Діанора плыла подъ его руками, но онѣ дрожали. Закованный въ латы былъ тѣмъ, кто поднялъ на корабль женщину. Отъ стыда и чтобы хоть что-нибудь сдѣлать, Лука отсѣкъ голову султану и двумъ маврамъ, подплывшимъ къ нему по водѣ. Одну изъ головъ онъ наткнулъ на грудь, другую на носъ корабля, а голову султана на вершину мачты; подъ нею на подушкахъ лежала Діанора. Лука посмотрѣлъ на нее и внезапно пе-

чувствовалъ страданіе и былъ готовъ разразиться слезами: такъ хороша была она.

Матово-бѣло и тихо мерцало ея лицо, словно прикрытое тѣнью сокровище. Каждый разъ, когда она его повертывала, розовый или голубой отблескъ загорался на немъ. Изъ глазъ струилось фіолетовое сіяніе: это были два аметиста, заключенные въ опалъ; а вокругъ блѣднаго овала камня лежали ея волосы, словно тяжелый отъ грусти и мыслей вѣнокъ изъ чернаго дерева.

Для возвратнаго пути не было вѣтра. Они причалили къ какому-то скалистому острову, гдѣ старые грифы сторожили сѣрый, обнесенный рѣшетками замокъ. Діанора прислонилась къ одной изъ ступеней растрескавшейся лѣстницы, совсѣмъ внизу, и ея бѣлое платье развѣвалось надъ синею бездной. Но закованный въ латы стоялъ рядомъ съ нею, положивъ возлѣ слабаго плеча ея свою желѣзную руку. Изъ жуткаго отдаленія обратился къ ней Лука:

— Я извлекъ тебя изъ моря и изъ рукъ язычниковъ: хочешь ли ты быть моею?

Она отвѣтила:

— Море взяло меня и султанъ меня взялъ: я не благодарю тебя.

Онъ въ ужасѣ посмотрѣлъ на окровавленную голову съ развѣвающимся тюрбаномъ. И Діанора взглянула на нее.

— Любила ли ты его?—прошепталъ онъ.

— Нѣтъ. Онъ былъ недостаточно могучъ, разъ его корабли погибли.

— А я, который его побѣдилъ? Достаточно ли могучъ я?

— Ты спрашиваешь? Значитъ, ты недостаточно могучъ.

Закованный въ латы долженъ былъ опять отнести ее на корабль. Лука думалъ, молча: «Я стану могучѣе», а въ это время они оставляли за собою моря. Они вышли на какомъ-то берегу, гдѣ бѣлыя улицы между каменистыми полями вели въ страну, полную неизвѣстности.

Четверо слугъ несли носилки Діаноры; впереди шелъ закованный въ латы, а сзади Лука. Двое идущихъ тою же дорогой присоединились къ нимъ; одинъ—загорѣлый въ красномъ плащѣ, другой—блѣдный съ жидкой бородкой, одѣтый въ черную куртку со шнурами. «Я имѣлъ уже жерновъ вокругъ шеи»,—сказалъ онъ. Другой замѣтилъ: «Я лежалъ въ колодкахъ съ огнемъ у ногъ».

Они пошли далѣе, и все болѣе становилось идущихъ съ ними: мужчинъ съ еще кровоточащими ранами и другихъ съ чумными нарывами наверху открытыхъ, изсохшихъ бедръ. Изъ жгучихъ странъ они принесли съ собою болѣзни, похоти и презрѣніе къ смерти. Глаза ихъ сверкали, чувства были воспламенены жадностью.

По пути они грабили деревни, провозглашая владычество новаго повелителя и похищая женщинъ и скотъ. Однажды всѣ остановились. Вдали, въ вышинѣ, властно вздымался надъ бѣлыми скалами городъ: сверкающая столица страны, главный городъ царства Трапезунтъ. Со стѣнъ его свисали золотыя знамена, и гирлянды розъ оплетали ихъ.

Искатели приключеній застонали съ проклятьями.

Они спустились въ ущелье межъ черныхъ скалъ, столь узкое и глубокое, что въ полдень надъ нимъ видны были звѣзды. На гребняхъ горъ стояли защитники; они отламывали отъ скалъ глыбы и сбрасывали ихъ внизъ. Но скалы притягивали ихъ: глыбы застревали, ни одна не скатилась внизъ, и въ ужасѣ и въ отчаяніи воины сами бросились въ глубину.

Покинувъ тѣсное ущелье, они снова увидѣли городъ, но вѣнковъ и знаменъ уже не было въ немъ. Дикая тревога была на стѣнахъ; дрожь тысячи испуганныхъ вздоховъ возносилась къ небу. Путешественники съ усмѣшкой кивнули другъ другу.

Далѣе потянулся лѣсъ, передъ которымъ выстроилось войско царства. Посмотрѣвъ въ единственный глазъ закованнаго въ латы, оно опустило оружіе, чтобы медленно сопро-

вождать побѣдителя на предначертанномъ ему судьбою пути.

Въ третій разъ открылся передъ ними городъ. Онъ былъ безмолвенъ, и со всѣхъ крышъ его развѣвались черныя ткани. Отчаяніе простирало къ побѣдителю изможденныя руки, пытаясь ухватиться за его мечъ. Путешественники задыхались отъ смѣха.

Когда они разломали стѣны, Лука открылъ носилки, воскликнувъ:

— Вотъ ваша повелительница!

Нѣсколько голосовъ отвѣчало:

— У насъ есть царь. Онъ ребенокъ, и у него нѣтъ родителей, но мы любимъ его.

Лука кивнулъ и путешественники начали рѣзню. Когда она, прекратилась, новая повелительница уже многимъ вселила любовь и уваженіе. Но женщины, неистово крича, выливали изъ домовъ угловатыхъ переулковъ кипящее масло на головы разбойниковъ. У нихъ отняли ихъ дѣтей; тамъ же былъ вырванъ изъ рукъ своихъ защитниковъ юный царь, и всѣ они умерли по приказанію Луки.

Діанора, которой было принесено столько жертвъ, стала послѣ этого для народа святою. Истязая себя, народъ повергался ницъ на ея пути и цѣловалъ грязь съ ея носилокъ.

Передъ дворцомъ, на украшенной колоннами площади Лука воздвигъ для нея тронъ изъ желтаго, какъ воскъ, мрамора. Въ пурпурныхъ туфляхъ и золотомъ облаченіи прислонялась она къ нему, и громадный рубинъ обливалъ кровавымъ свѣтомъ ея неподвижное лицо. А вокругъ сверкали металлическимъ блескомъ расшитыя одежды и серебряные доспѣхи, дрожало нѣжное мерцаніе роскошныхъ уборовъ и сверканіе усыпанныхъ камнями коронъ; лился блескъ металлическихъ чашъ, золотыхъ троновъ и пурпурныхъ ковровъ, испещренныхъ драгоцѣнностями.

Съ шумомъ, словно отъ крыла гигантской птицы, упала

толпа на колѣни. Десятки тысячъ лепетали и кричали о своемъ обожаніи. Безпрерывно плясавшіе одержимые вдругъ отбрасывали назадъ голову съ бѣлыми глазами и возвѣщали свое исцѣленіе. Гулко гремѣли трубы и мѣдныя литавры.

Путь къ трону былъ усѣянъ лаврами; Лука вступалъ на него одинъ. Войдя на ступени, онъ остановился, потому что почувствовалъ на своемъ вискѣ дыханіе Діаноры.

— Теперь ты царица! — сказалъ онъ и замолкъ въ ожиданіи.

Она взглянула на него: на его щекахъ оставалась блѣдность всѣхъ совершенныхъ имъ преступленій, изъ губъ сочилась кровь. И она сказала:

— Ты недостаточно могучъ!

Онъ повернулся обратно и заперся въ своемъ дворѣ. День за днемъ бродилъ онъ безъ устали вдоль позолоченныхъ залъ, устланныхъ расшитыми коврами, среди голубыхъ колоннъ съ золотыми жилками; гирлянды изъ серебряныхъ листьевъ тянулись отъ одной колонны къ другой. Серебряные колодцы благоухали какъ раны святыхъ мученицъ. Но смертный страхъ охватывалъ его каждый разъ, когда на дорожкахъ сада скрипѣлъ золотой песокъ подъ шагами рабовъ, несущихъ носилки Діаноры.

Она пѣла подъ лютню; нѣжно и тоскливо трепеталъ ея голосъ надъ дрожаніемъ струнъ—словно бабочка надъ волнистымъ лугомъ съ цвѣтами; а вверху, въ остроугольной рамѣ своего окна, лежалъ Лука, сжимая лобъ рукою.

Онъ крался за нею, когда въ вечерней свѣжести купалась она около жарко дышащаго алоэ подъ кедрами и вызолоченными пальмами. Надъ багрянымъ колодцемъ бился лебедь серебряными крыльями. Нагая стояла она на краю, опустивъ усталыя руки, съ широкимъ вытканнымъ золотомъ поясомъ вокругъ чреслъ. Съ ея грудей капала вода; тѣло дрожало подъ лаской вечерняго воздуха. Розовая солнечная пыль играла вокругъ нея; иногда съ рѣзкимъ.

страннымъ крикомъ тяжело проносилось надъ нею большое золотисто- или серебряно-синее, мерцающее насѣкомое.

Сжатые пальцы Луки разрывали кусты, за которыми онъ скрывался.

— Я достаточно могучъ,—стоналъ онъ,—я возьму ее!

Вечеромъ онъ пошелъ въ ея комнату. Раздвинувъ занавѣсъ, онъ увидѣлъ ее: ея бѣлое тѣло висѣло на черной груди закованнаго въ латы.

Послѣ этого Лука наполнилъ свои залы женщинами, а душу свою и всѣ свои мысли—колыханіемъ пышныхъ грудей, змѣистыми извивами мясистыхъ бедръ, комкомъ могучихъ членовъ, озаренныхъ изнуряющей улыбкой широкихъ блѣдныхъ лицъ.

Онъ измышлялъ мученія, распредѣляя ихъ между рабами; его нижняя губа, вдвинутая впередъ, дрожала, руки судорожно обхватывали рѣзьбу трона. Затѣмъ онъ пробирался въ темницы, умоляя несчастныхъ простить и быть его друзьями.

Со своихъ бѣлыхъ террасъ, надъ которыми безпощадно и торжественно нависало синее небо, разражался онъ криками о помощи: «Милости! Перестань!» Никто не слышалъ его кромѣ безмолвныхъ черныхъ евнуховъ. Ничто не двигалось кромѣ ихъ бѣгающихъ эмалевыхъ глазъ; и Лука упалъ на землю, широко раскинувъ руки, и повязка изъ драгоцѣнныхъ камней на его головѣ разбилась о мраморныя плиты.

Однажды ночью пробирался онъ черезъ темные корридоры. Мысли объ убійствѣ, лелѣямыя имъ, пылали передъ нимъ, указывали ему дорогу. Онъ поцарапался въ дверь Діаноры; съ жалобнымъ стономъ сткрылась дверь, и онъ увидѣлъ, что все совершилось. Голова ея съ тяжелыми волосами свисла черезъ край ея ложа; на шеѣ виднѣлся затекшій кровью отпечатокъ желѣзной руки.

Онъ убѣжалъ и жилъ съ тѣхъ поръ блуждающимъ звѣремъ. Съ ревомъ выкрикалъ онъ навстрѣчу вѣтру ея имя,

съ проклятіемъ бросалъ его въ небо, повторялъ его чудовищамъ въ подземныхъ пещерахъ. Онъ безумствовалъ до тѣхъ поръ, пока тѣло его не сдѣлалось какъ бы изъ стали и въ конецъ изможденa была душа. Мало-по-малу она стала для него лишь блѣдною грезой, проплывающей на поверхности его сна. И, наконецъ, думая о ней, онъ чувствовалъ только два глаза въ туманной дали за собою—словно глаза тихой мученицы въ молчаливой часовнѣ, неизмѣнно глядящей со своей затѣненной стѣны вслѣдъ нашимъ блужданіямъ по шумнымъ путямъ жизни.

Ни надежды, ни раскаянія не обнаруживало его лицо; но никогда не спалъ онъ иначе, какъ за запертыми дверями, боясь выдать что-нибудь во снѣ. Онъ былъ искателемъ приключеній, которому ничто не казалось новымъ, побѣдителемъ безъ надменности, сластолюбцемъ съ холодными губами.

Однажды въ сѣромъ сумракѣ вечера шелъ онъ черезъ обширное поле. Онъ скользилъ надъ нимъ подобно тѣнямъ предметовъ, которыхъ не видно. Въ вышинѣ тяжело двигались нависшія тучи. Онъ взобрался на холмъ: кривыя, разодранныя крыши предстали передъ нимъ. Онъ былъ уже въ тѣни мрачнаго замка, стоялъ уже у его воротъ. Три старухи въ сыромъ залѣ выбрасывали, визжа, свое холодное дыханіе въ холодный воздухъ. «Лука вернулся»,—сказали онѣ, и тотчасъ же зазвучалъ глухой голосъ старика, который, казалось, уже поглощенъ временемъ.

— Ты прошелъ міръ, воюя, онъ лежалъ позади тебя на колѣняхъ, и ты вернулся къ намъ, какъ каждый къ намъ возвращается. Что же совершилъ ты иного, какъ не прогулку за ворота?

Такъ какъ Лука молчалъ, старикъ заговорилъ снова:

— Ты освободилъ Бога изъ плѣна его враговъ, ты заставилъ сатану молить о пощадѣ! Ты завоевалъ царства и женщину сдѣлалъ своею повелительницей! У цѣли, отрезвленный и лишенный гордости, узналъ ты, что все было

величественнѣе и прекраснѣе, когда ты еще грезилъ. Самое лучшее совершилось, прежде чѣмъ ты открылъ глаза; твой сонъ предвосхитилъ все. Онъ спѣшилъ впереди тебя, неся мечъ, который ты не могъ удержать. Ты крался вослѣдъ съ пустыми руками.

Лука опустилъ голову и снова поднялъ ее.

— Все это правда,—сказалъ онъ.—Такова была моя жизнь. Но если и не сдѣлалъ я ничего иного, кромѣ прогулки за ворота, то все-же я не хочу оставаться здѣсь у васъ, старыхъ, которые такъ мудры. Лучше я совершу другую прогулку за ворота и начну сначала все уже испытанное мною, не раскаиваясь, если смерть застигнетъ меня на дорогѣ. И съ нею помѣряюсь я: можетъ быть, она почувствуетъ мои удары, можетъ, я—ея. Или я закрою ее своимъ краснымъ знаменемъ, или она меня—своимъ чернымъ.

И, повернувшись, онъ пошелъ внизъ съ холма черезъ поля и тропинки. Склоняясь въ придорожныхъ садахъ надъ осенними клумбами, молодыя дѣвушки забрасывали проходящаго астрами. Одинъ большой красный цвѣтокъ повисъ въ его сѣдыхъ волосахъ, которые далеко развѣвались по вѣтру.

Т. Маннъ.

ХУДОЖНИКИ САТАНИЗМА

ОЧЕРКЪ.

Н. АБРАМОВИЧЪ.

I.

Твердое творчество художниковъ-жизнехулителей, находившихъ въ мірѣ сѣмена Дьявола, изъ которыхъ рождаются цвѣты зла, порока и осквернѣнія,—это творчество не есть подлинное служеніе злу извращенныхъ и безумныхъ душъ, а скорѣе является безжалостнымъ анализомъ всѣхъ элементовъ жизни, въ томъ числѣ самыхъ тайныхъ, скрытыхъ и темныхъ. При подобной художественной аналитической работѣ развивается спокойное вниманіе ко всякимъ кошмарамъ и ужасамъ, надругательствамъ надъ душой и искаженіямъ жизни.

Достоевскій, Ропсъ, Бодлеръ, Гюйсманъ, Барбье д'Оревильи останавливали свое художественное вниманіе на безличной стихійной силѣ сладострастія въ ея жизнеубивающихъ, отвратительныхъ проявленіяхъ. И въ этомъ смыслѣ художественный экспериментъ со старикомъ Карамазовымъ напоминаетъ соотвѣтствующіе опыты Ропса съ его женскими обликами проституціи, похоти и содомическаго разврата.

Мутный потокъ существованій въ каменной скученности гигантскихъ городовъ, потокъ, загнивающій въ этой духотѣ, спертости, затхлости, даетъ художнику страшную сложность всевозможнаго матеріала самыхъ низменныхъ и сатанинскихъ переживаній. Здѣсь наблюдаетъ художникъ муть извращеній, уродливые изворотъ, которые принимаетъ теченіе задержанныхъ и искаженныхъ природныхъ силъ.

Причемъ большей частью художники-воспроизводители этихъ кошмаровъ не только не отвращаются съ пре-

зрѣніемъ отъ всѣхъ этихъ низинъ, этого дна, но, наоборотъ, словно зачарованные ея кошмарами, пытливо и глубоко всматриваются въ эти паденія и зарисовываютъ жизнь зла, хаосъ, порокъ, растлѣніе, спокойную безнадежность гнусной придавленности кошмаромъ, знойное вѣяніе яда, въ которомъ отравляются, задыхаются и гибнутъ.

Фелисіенъ Ропсъ, художникъ блудницы, объективировалъ въ разнообразнѣйшихъ образахъ своей жрицы Астарты демоническую силу Сладострастія.

Сила ироническая, грубо-смѣющаяся надъ всѣмъ человѣческимъ, въ которой слышится неумолчный мефистофельскій хохотъ, сила, которая топитъ огненную духовность, свѣжую стихійность, дѣтское очарованіе, музыку влеченій къ красотѣ въ уродливомъ, въ нелѣпо-смѣшномъ и безобразномъ... Въ хаосъ жизни огромнаго города, гдѣ копошатся милліоны изуродованныхъ существованій, нѣкто, «Сѣятель», бросаетъ съ вышины маски женщинъ, какъ сѣмена царящаго грѣха. О, какъ въ этой знойно-спертой и удушливой атмосферѣ распустятся и взойдутъ сѣмена сладострастія, какими яркими и огромными чашами раскроются ихъ цвѣты, какъ наполнится міръ одуряющимъ ядомъ ихъ аромата!

Неприкрытое голое отвращеніе обнажается въ этихъ воспроизведеніяхъ человѣческаго Содома. Не любовь, не страсть, а уродливая проституція улицъ большихъ городовъ живетъ и отвратительно дышитъ здѣсь. Ужасна сила Дьявола, нелѣпо ухмыляющагося надъ міромъ! Весь міръ подъ его силой—какъ гнусный храмъ проституціи. Низведено въ омутъ отвращенія и грязи тѣло. И сама стихійная животность, безсознательная и въ своей безсознательности невинная, осквернена и заражена демонскимъ уродливымъ сознаніемъ, впитывающимъ по каплѣ сладость осквернснія и ужаса, низводящимъ къ бѣшеному потоку распаленныхъ грубыхъ влеченій душу, словно крестя ее новымъ дьявольскимъ крещеніемъ въ омутѣ порока и зла.

Сладострастіе топитъ въ себѣ религіозность, бого-

хульно сливаясь съ ней, топитъ душу, умъ, живое чувство, внося въ жизнь разложеніе и оставляя одинъ остовъ ея, голый скелетъ. Нѣтъ Христа, онъ замѣненъ острой пыткой чувственнаго влеченія. Нѣтъ простой здоровой тѣлесной красоты, потому что подъ сладострастнымъ взглядомъ Дьявола въ прекрасномъ тѣлѣ копошатся черви гніенія.

И нѣтъ самой жизни, ибо сладострастіе соединяется съ темной силой смерти и танцуетъ вмѣстѣ съ ней надъ міромъ танецъ уничтоженія. Дьяволъ отравляетъ всѣ источники жизни и уничтожаетъ жизнь черезъ сладострастіе.

При этомъ Ропсъ безстрастенъ, какъ сама темная сила, воспроизводимая имъ. Но какъ реагируетъ человѣческая душа на весь этотъ хаосъ, на всю эту боль и тьму?—Документы души и ея жизни въ этомъ хаосѣ оставилъ намъ Бодлеръ.

Разбитый кошмарами и тяжестью двойственнаго грубаго, порой безумнаго міра Бодлеръ уходитъ въ художественное затворничество своего кабинета, украшеннаго картинами Делакруа, чтобы оттуда, изъ этой тишины, гдѣ скоплялись экзотическія грезы, созерцать ужасъ ночного Парижа, больницы, игорные дома и разврата, пьяницъ, продажныхъ, сумасшедшихъ, разбитыхъ, обезображенныхъ, валяющихся на днѣ жизни.

Болѣзненное вниманіе улавливало и впитывало изъ этой дикой и шумной реальности—тихіе кошмары душевныхъ перживаній, незамѣтное безуміе страха, тоски, отупѣнія, отчаянія... Онъ слышалъ вздохи усталости близъ голыхъ женщинъ, переживалъ грезы освобожденія задавленныхъ нищетой рабочихъ, безпомощную и дѣтскую тоску одинокихъ старухъ. Именно онъ, Бодлеръ, реалистъ изъ реалистовъ, слышалъ все это и усѣивалъ свой «садъ» творчества цвѣтами зла.

И двойственность міра страшно глядитъ въ глаза человѣку, когда послѣ ночи кошмара и паденія, въ предутреннемъ свѣтѣ, при красномъ блескѣ лампы, подобной въ

свѣтѣ утра налитому кровью глазу,—изъ тишины воздуха, похожаго на блѣдное лицо, залитое слезами,—свѣтится вмѣстѣ съ разсвѣтомъ въ мучительной и строгой ясности Идеалъ и въ «уничтоженной и полной жгучей тоски душѣ вспыхиваетъ лазурь» и «въ бездну свѣтлую влечетъ неодолимо».

Какъ и Ропсъ, Бодлеръ символизируетъ великую гниль грѣха и распутство жизни въ женщинѣ, рисуя ея кошмарный обликъ:

Ты цѣлый міръ вмѣстить могла бы въ свой альковъ,
Исчадье похоти! Отъ праздности ты злобна.
Съ зарею новою на жерновахъ зубовъ
Ты сердце новое измалывать способна.
. . . . . .
Машина страшная, глухая и слѣпая,
Спасительный вампиръ, сосущій кровь земли.

Но Ропсъ былъ объективенъ. За обликомъ сладострастнаго кошмара онъ пряталъ свое лицо. А Бодлеръ, «блѣдный епископъ», какъ назвалъ его Роденбахъ, показываетъ свои полные жизненной жажды и смертельной тоски глаза. Продажное женское тѣло, лежащее рядомъ съ нимъ, онъ въ тоскѣ овладѣвшихъ имъ грезъ надѣляетъ прекрасной и нѣжной, и мощной жизненностью, по которой тоскуетъ стихійная жажда въ душѣ поэта.

О, если-бъ тогда я со страстью мятежной
Любить тебя, сердце отзывное, могъ!
Отъ свѣжихъ своихъ нѣжно розовыхъ ногъ
До пышно раскинутыхъ косъ твоихъ черныхъ
Какой бы огонь поцѣлуевъ разлилъ!..

Здѣсь та мечта жизнецарственности, яркой и безконечной, которая дышитъ въ «Маленькихъ поэмахъ въ прозѣ» и которая увлекла Бодлера въ удивительныхъ грезахъ Эд-

гара По, дышащихъ томительнымъ запахомъ цвѣтовъ, какіе здѣсь не растутъ.

Но бѣшеное горѣніе духа, тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе оно было, вызвало реакцію упадка жизненности и тотъ желтый длительный, какъ туманное облако всеобвившій сплинъ, въ которомъ поэтъ находитъ столько новыхъ, странныхъ переживаій и блѣдныхъ, океанически-воздушныхъ сновъ. Эту сторону творчества Бодлера опредѣляетъ Гюисмансъ:

«Онъ открылъ болѣзненную психологію ума, достигшаго осени своихъ ощущеній; показалъ симптомы душъ, отмѣченныхъ скорбью и сплиномъ; повѣдалъ о возрастающемъ гніеніи впечатлѣній, когда изсякли энтузіазмъ и вѣра молодости»... («A Rebours»). И въ блѣдной, словно подводной, мглѣ жизненно-лирическаго упадка и безсилія, наводящаго туманный и безкрылый сонъ, поэтъ грезилъ картинами, въ которыхъ на фонѣ стихійной мощи природы и ея голубыхъ морскихъ просторовъ рисуется эта царственная нѣга безсилія, томное, полусонное очарованіе decadans'a, безволія и сонности.

Подъ сѣнью портиковъ обширныхъ, безъ заботы
Я жилъ, какъ полубогъ... Я помню дивный сонъ:
Тамъ превращалъ закатъ въ базальтовые гроты
Величественный рядъ возвышенныхъ колоннъ.
...Тамъ жилъ я въ царствѣ грезъ, среди аллей тѣнистыхъ,
Среди лазури, волнъ, рабовъ полунагихъ,
Въ лицо мнѣ вѣявшихъ вѣтвями пальмъ душистыхъ,
Ловившихъ каждый взглядъ лѣнивыхъ глазъ моихъ
И слившихъ въ цѣль одну всѣ думы, всѣ желанья—
Загадку мукъ моихъ постичь и увяданья...

Здѣсь тотъ же «ядъ Эроса», нагое чувственное безуміе, но слито съ утонченной граціей упадка, полубезсилія... Потомокъ древняго рода, постигнутый вырожденіемъ, съ блѣдно-голубой кровью въ венахъ и усталыми глазами, на-

ходитъ эротическую прелесть въ легчайшихъ прикосновеніяхъ, и есть что-то женственное въ томъ царственно-поэтическомъ самообожаніи, которымъ проникнутъ герой этого бодлеревскаго созерцанія. Красота угасанія предъ безумно преданными и обожающими взглядами обожающихъ рабовъ—въ этомъ есть острая капелька эротики.

Такую же утонченную эротику декаданса даетъ туманный и чувственно-холодный Малларме. Въ его «Иродіадѣ» чувствуется мистика тѣла, святая загадка плоти и ея красоты, начало которыхъ въ запредѣльномъ. Поэтъ отвлекается отъ переживаній и сквозь особую призму холоднаго и смутнаго созерцанія пристально смотритъ на нагое, освобожденное отъ всѣхъ покрововъ, частностей и случайностей чувство. Это холодное и яркое созерцаніе даетъ много тонкаго наслажденія такимъ пресыщеннымъ художественными пряностями, какъ Дез'Эссентъ изъ «A Rebours» Гюисманса. Въ «Полднѣ молодого фавна» Малларме стремится выразить именно такое абстрагированное, взятое въ его чистой ясности и яркости знойное чувство страсти, впервые смутно и побѣдно вспыхнувшее въ юномъ тѣлѣ молодого фавна, изъ глазъ котораго исчезаютъ вспугнутыя имъ нимфы. Конечно, рисунокъ этого чувства сдѣланъ помощью образовъ, но читатель чувствуетъ, что собственно герой поэта не фавнъ, а дрожащее въ крови его тѣла стихійное чувство.

Поэтъ выдѣляетъ чистѣйшую эссенцію тѣхъ ощущеній, на днѣ которыхъ дышитъ тайна творчества и цвѣтенія міра: поэту нуженъ рисунокъ экстаза чувствъ, воображенія, питающихся яркостью земныхъ красокъ, формъ и всего, что дано въ созерцаніи.

Здѣсь тончайшая вибрація тѣхъ изнуряюще-острыхъ переживаній, корень которыхъ въ той же вѣчной силѣ Эроса; но нѣжные цвѣта ихъ далеки отъ живой и свѣжей стихійности.

Добываніе этихъ острыхъ капель эссенціи впечатлѣній и чувствъ производится помощью сліяній двухъ или нѣсколькихъ сторонъ переживаній, самая мощь и яркость которыхъ

заключаетъ въ себѣ нѣчто абсолютно-противорѣчащее этому сліянію, враждебное ему всѣми началами жизненныхъ нормъ. Слить это несоединимое, посягнуть на нормы глубоко установленныя, дойти до края той бездны, что тянетъ къ себѣ «инстинктомъ извращенности», пытливымъ протестомъ противъ всѣхъ нормъ и законовъ—вотъ психологическая черта средневѣковой религіозной эротики, которая послужила матеріаломъ для новыхъ художниковъ Эроса.

Дьявольское сѣмя познанія добра и зла отвратило человѣка отъ безмятежной замкнутости въ чистой стихіи свѣта. Сознательность—вотъ орудіе для демона, которымъ онъ уводитъ человѣка въ свою тьму. И дерзаніе этой сознательности не имѣетъ границъ. Загадка бытія, загадка абсолютнаго свѣта и темной силы плоти мучитъ и тянетъ къ какому-то разрѣшенію, не то полной гармоніи, не то всеунижающему распаду. И крылатое сознаніе напрягается. О, что будетъ? И оно сливаетъ двѣ бездны. Оно хочетъ подвести и сблизить свѣтоноснаго носителя истины—ангела и горящаго хаосомъ грубыхъ плотскихъ вожделѣній дьявола. Что отразится отъ этой близости на лицѣ того, кто пребываетъ въ вѣчности свѣта и чуждъ тьмѣ? Если есть и свѣтъ и тьма, то какъ они существуютъ вмѣстѣ? И самого Бога человѣкъ хочетъ приблизить къ дьяволу, рѣшая темную загадку міровой дисгармоніи.

Какое-то смутное начало въ человѣкѣ, эта дьявольская пытливость, обусловливающая и кощунство дерзаній, ликуетъ при этомъ. Нѣтъ ничего больше двухъ жизненныхъ началъ, сближаемыхъ ими, двухъ мощныхъ силъ человѣческаго міра: безтѣлесной чистой духовности и земной силы сладострастія. И здѣсь-то лежитъ бездна дерзаній.

Новѣйшіе художники темнаго Эроса или игнорируютъ идею чистой пытливости человѣческаго сознанія, или же сливаютъ ее, какъ ощущеніе, съ ощущеніями огромной силы и напряженности—религіознымъ и эротическимъ. Получается смѣсь убійственной остроты. Эссенція страшной силы. Ея-то и добились болѣе или менѣе художественными сред-

ствами послѣ Де-Сада Гюисмансъ («La Bas»), Барбье д'Оревильи и др.

«Дьявольскія исторія» д'Оревильи и Гюисманса. «Тамъ внизу» и «Наоборотъ» насыщены этой тонкой эссенціей болѣзненноострыхъ и ѣдкихъ чувствъ. На помощь ихъ неутолимому алканію нервныхъ и духовныхъ подъемовъ приходитъ все: исскуство, наука, красота благоуханій, звуковъ, красокъ, оттѣнковъ, острота чисто-физическихъ ощущеній, гармонизированныхъ въ общемъ эстетическомъ укладѣ жизни. «Я ищу новыхъ благоуханій, болѣе крупныхъ цвѣтовъ, неиспытанныхъ наслажденій». Гюисмансъ приводитъ эти слова Флобера (изъ «Искуш. св. Антонія»), какъ опредѣляющія «его лихорадочную жажду неизвѣстнаго, потребность удалиться отъ ужасной дѣйствительности, переступить границы мысли почти ощупью, никогда не достигая увѣренности въ потустороннихъ туманахъ искусства». Дез'Эссентъ сплетаетъ какую-то тонкую паутину изъ всѣхъ очарованій, даруемыхъ природой и искусствомъ чувствамъ человѣка. Начиная отъ ощущеній вкусовыхъ (гамма ликеровъ), онъ создаетъ симфоніи благоуханій (цвѣты и духи), окружаетъ себя изысканнѣйшимъ подборомъ книгъ художественнаго творчества, картинъ, создаетъ «личное» убранство дома, не разъединяя очарованія искусства отъ силы чувственныхъ побужденій, но ища въ сліяніи ихъ остроты послѣднихъ. Герой другого романа, въ той же жаждѣ оторваться отъ дѣйствительности и найти жизненную полноту въ одинокомъ артистическомъ отшельничествѣ, уходитъ въ средневѣковье, въ демономанію, увлекается своеобразной фигурой средневѣковья—Жюлемъ де-Рецомъ и въ жизнеописаніи его касается свершенія Черныхъ мессъ. Теоретическое увлеченіе увѣнчивается нахожденіемъ въ современности оазиса демономановъ и эротиковъ, совершающихъ въ XX вѣкѣ то, что казалось мыслимымъ лишь въ туманахъ средневѣковья. Слѣдуютъ сцены, полныя утонченнаго садизма, своеобразной смѣси мистицизма и эротическаго бѣшенства.

Но въ противоположность мало-художественному де-Саду Гюисмансъ и д'Оревильи въ своихъ страницахъ являются почти столь-же объективными воспроизводителями жизни, какъ и ненавидимые ими натуралисты; различіе лишь въ противоположныхъ областяхъ и сферахъ жизни, въ рисункѣ которыхъ они были такъ же точны и добросовѣстны, какъ Зола. Они исчерпывали весь бытовой и психологическій матеріалъ, давая, по существу, тѣ же объективные «документы жизни». Наоборотъ, въ нашей молодой русской поэзіи Ѳед. Сологубъ и Брюсовъ, а также въ Польшѣ Пшибышевскій тонкій рисунокъ глубоко-личныхъ внутреннихъ индивидуальныхъ переживаній объективируютъ въ видѣ художественныхъ документовъ жизни.

II.

Страницы Ѳ. Сологуба, посвященныя Эросу, имѣютъ всю цѣнность субъективно-художественныхъ признаній. Быть можетъ, здѣсь дѣло объясняется полной и исключительной своеобразностью дарованія, но все-же кажется изумительной эта обнаженность переживаній, это принесеніе своего «я» художническому, это холодное объективированіе того, что имѣетъ всю сложность, знойность и остроту переживаній, почти находящихся за чертой творческой работы художника.

Передъ нами, съ одной стороны, холодная тонкая работа психолога-поэта, вскрывающаго неожиданныя и страшныя извилины человѣческой воли, хотѣнія, побужденій, темныхъ захватовъ инстинктовъ сладострастія, жестокости, садизма, безумія, увлекающаго черезъ послѣднюю черту жизненныхъ нормъ къ самозабвенной стихійности слѣпого и страшнаго въ своей силѣ влеченія («Милый Пажъ» и «Царица поцѣлуевъ»). Съ другой стороны, поэтъ даетъ уже не только живое воспроизведеніе, но и яркую сенсуалистическую проповѣдь красоты, солнечности, жизненной духовно-растительной полноты, освященной поклоненіемъ и абсолютнымъ призна-

ніемъ основной силы міра — красоты. Въ романѣ «Мелкій бѣсъ» изысканія психолога-аналитика такъ сливаются съ страстнымъ лиризмомъ проповѣдника - сенсуалиста, что трудно отдѣлить одно отъ другого. И во всемъ творчествѣ Ѳ. Сологуба, этого поэта, относительно дарованія котораго теперь уже никто не сомнѣвается, нѣтъ возможности выдѣлить основной, все въ себѣ заключающей, нити работы. Сквозь особенный колоритъ тихаго изнеможенія и какого-то колдовского, заключающаго въ себѣ затаенную силу безсилія,—чувствуется огромный трепетъ жизненной жажды, пробивающейся сквозь сѣрый налетъ пыли свѣжей и горячей алостью разливающейся зари. Но въ то же время эту самозабвенную проповѣдь солнца и тѣла, цвѣтущаго въ солнцѣ, безсилитъ тихое и напряженно-холодное любопытство къ жизни, погружающейся въ мертвую глубь созерцанія и равно принимающее всѣ ужасы, всѣ провалы низости, всю пошлость «Передоновщины», все безуміе извращенныхъ влеченій; эта пытливость тихо и медленно пробирается вглубь жизни, заглядываетъ холодными и ясными глазами въ кошмары, въ тоску, въ мертвенность... И часто самъ художникъ остается зачарованный мертвой пустотой и тихимъ разложеніемъ того міра, близъ котораго онъ стоитъ. Не отсюда ли ясная мертвенность этихъ строкъ о «недотыкомкѣ», о своемъ, подобно чертополоху у забора, «безрадостномъ геніи», «томительно расцвѣтшемъ»?..

Что есть? Преслѣдуетъ художника вопросъ,—подсмотри, прослѣди... И онъ спускается въ тревожныя низины сладострастныхъ безумій, настойчиво слѣдуетъ за послѣдней нитью дикихъ, словно сорвавшихся со всѣхъ цѣпей, фантазій, и эти ядовитые цвѣты эротическаго безумія выноситъ читателю вырванными со всѣми ихъ корнями и съ почвой, въ которую они вросли. Вотъ человѣческіе документы. Если не скрывать, не прятать міръ сознанія, если пытливо вникать въ него и обнажить, то вотъ что можно на-ряду со всѣмъ вынести оттуда.

Нѣкоторые замыслы у Ѳ. Сологуба и В. Брюсова совпадаютъ, какъ, напр., въ новеллѣ «Милый пажъ» одного и балладѣ «Рабъ» другого. Старый король у Сологуба заставляетъ свою юную королеву и юнаго пажа обнажиться въ его присутствіи и дать ему зрѣлище ихъ любовныхъ ласкъ. Рабъ у Брюсова, привязанный къ брачному ложу царицы, на которую онъ дерзнулъ бросить взглядъ любви, находитъ болѣзненное упоеніе въ своей ревнивой мукѣ:

И было все на бредъ похоже!
Я былъ свидѣтель чаръ ночныхъ,
Всего, что тайно кроетъ ложе,
Ихъ содроганій, стоновъ ихъ.
Я утромъ увидалъ ихъ—рядомъ!
Еще дрожащихъ въ смѣнѣ грезъ!
И вплоть до дня впивался взглядомъ,—
Прикованъ къ ложу ихъ, какъ песъ.

Черты той же крайней остроты такого же характера находимъ у Ѳ. Сологуба въ балладѣ «Отъ злой работы палачей». Въ «Миломъ пажѣ» старый король наслаждается биченіемъ юныхъ тѣлъ любовниковъ; въ названной балладѣ царица отдается также наслажденію сладострастной жестокости. Она сходитъ въ подземелье, гдѣ «истязуемое тѣло, вопя, и корчась, и томясь, на страшномъ вискѣ тяготѣло, и кровь тяжелая лилась».

Открывши царственныя руки,
Отнявши бичъ у палача.
Царица умножала муки
Въ злыхъ лобызаніяхъ бича.

Это напоминаетъ де-Сада. Но это въ то же время добросовѣстно-точное художественное выполненіе тонкаго психологическаго заданія. Художникъ не хочетъ закрыть глаза на существованіе въ мірѣ эротической мощно-чувственной

болѣзненности. И кромѣ того, загадочно-глубокую и знойную остроту этихъ переживаній онъ чувствуетъ въ себѣ «въ домѣ своего собственнаго «я». Созерцательность загадки здѣсь соединяется съ забвеніемъ отдачѣ этой остротѣ и силѣ. Свободный отъ «нельзя» и «до сихъ поръ» мозгъ работаетъ,—мысль, тонка, змѣино-вкрадчивая, уходитъ въ глубокія извилины эротическаго лабиринта — и вотъ создается «Царица поцѣлуевъ», «вымыселъ безумной мозговой эротики».

Но упомянутое пытливое созерцаніе тихой тайны извращеннаго эроса явственно чувствуется въ прекрасномъ по художественной цѣльности и законченности рисунка стихотвореніи «Нюренбергскій палачъ».

Нѣкоторыя художественныя черты — настоящее откровеніе, вводящее въ психику переживаній, говорящее о тайномъ очарованіи ужаса, крови, убійства, о пробужденіи темныхъ инстинктовъ кроваваго сладострастія, о неодолимой настойчиво-тихой маніи, влекущей какъ сквозь гипнотическій сонъ къ соблазнамъ казни, слитой съ сладострастіемъ. Какая-то кошачья мучительная нѣга порока и распутства чувствуется въ признаніи.

Меня плѣнила алость
Казнящаго меча
И томная усталость
Сѣдого палача.

Въ «Мелкомъ бѣсѣ» рисунокъ художника сливается съ признаніемъ лирика. Послѣ пророческаго заявленія — «воистину въ наши дни красотѣ надлежитъ быть поруганной» поэтъ часть романа отдаетъ нѣжной и знойной лирикѣ красоты. Дѣвушка Людмила въ болотѣ провинціальнаго городка является носительницей аполлоническаго сознанія. Изъ тины и гнили выплываетъ неожиданно ярко освѣщенный смѣлый и дерзкій обликъ. Раздаются слова, подобныя лирическимъ строфамъ, въ которыхъ горитъ чистое красиво-без-

умное опьяненіе. Пропадаетъ тина русской провинціи, и выплываютъ взамѣнъ солнечные долы и прогалины. Какое-то смутно овладѣвающее очарованіе чувствуется въ рисункѣ ощущеній двухъ юныхъ жизней, въ дурманѣ ароматовъ духовъ, о которыхъ поэтъ говоритъ прозрачно-образными словами. Поэтъ выдвигаетъ молодое, солнечно-знойное, благородно-красивое и таинственное чувство тѣла. Дѣвушка влюблена въ свое тѣло и въ юношеское прекрасное тѣло отрока-пріятеля. На фонѣ бездонной топи обыденщины блеснула эта яркая лирика и снова потонула въ темной и смрадной глубинѣ.

Рисунокъ въ брюсовской эротикѣ болѣе грубый и простой. Въ своей идеѣ внѣшняго «дерзанія» этотъ поэтъ-декадентъ, всегда поражавшій толпу рѣзкой эксцентричностью мотивовъ и образовъ, не опускается до той глубины внутренняго творческаго дерзанія, какую тихо и скромно проявилъ Ѳ. Сологубъ. Интересная параллель между творческими мотивами эротики обоихъ поэтовъ приводитъ къ слѣдующему выводу: Брюсовъ является почти фотографомъ души въ моменты плотскаго экстаза, широко и рельефно снимаемаго; за исключеніемъ «Sancta Agatha», являющей примѣръ мистической эротики, Брюсовъ въ характернѣйшихъ вещахъ подобнаго рода («Рабъ», «Въ ночномъ безлюдіи», «Таинства ночей», «Городъ женщинъ») беретъ матеріалъ переживаній, не углубляя и не расширяя его, какъ Ѳ. Сологубъ, своеобразіемъ личныхъ уклоновъ, обостреній и отклоненій въ воспріятіяхъ. Брюсовъ богатъ въ этихъ переживаніяхъ тѣмъ же, чѣмъ и всѣ. И лишь фонъ для этихъ образовъ и чувствъ дается поэтомъ новый, въ которомъ странно слиты тонкій, утонченный реализмъ и грубый восточный мистицизмъ. Безумныя грезы сладострастія, какъ «Городъ женщинъ»,—это лишь крайняя интенсивность переживанія, которое—законъ для всѣхъ. И реалистическіе штрихи въ этихъ рисункахъ—«я помню запахъ тьмы и запахъ тѣла, дрожащихъ членовъ выгибы и зной»... или—«альковъ задвинутый, дрожанье тьмы,

ты запрокинута, и двое мы»... и т. д.—больше говорятъ о дерзаніи фотографа, чѣмъ о мистикѣ чувствъ, поднятыхъ изъ святой глубины органически-индивидуальныхъ исключительныхъ переживаній.

Еще болѣе интересна и содержательна была бы неожиданная параллель между ярко-субъективнымъ, всеобнажающимъ сенсуализмомъ Ѳ. Сологуба и бѣшеной фантастикой картинъ и рисунокъ Гойи, котораго я лишь бѣгло здѣсь касаюсь. На фонѣ темныхъ образовъ, выплывшихъ не какъ зарисованныя чувства, а какъ часть особаго самостоятельнаго міра творчества художника, еще ярче оттѣняется тотъ болѣзненно-личный оттѣнокъ рисунковъ Ѳ. Сологуба, который изъ всѣхъ авторовъ приводитъ его ближе всѣхъ къ де-Саду. Но талантъ художника уводитъ Ѳ. Сологуба отъ бездны «личнаго» въ сторону творческихъ объективацій, расширяя и углубляя художественныя задачи. И это сліяніе такой обостренности сенсуально-личнаго съ даромъ творческой объективности создаетъ въ результатѣ рѣдкаго своеобразія талантъ Ѳ. Сологуба, этотъ поразительнѣйшій «цвѣтокъ зла».

Гойя былъ тоже фантастическимъ яркимъ цвѣткомъ зла, уводящимъ то въ туманы предразсвѣтной смутности, гдѣ утомленно вздыхаютъ послѣ ночныхъ безумій и оргій колдуньи и дьяволы, то къ часамъ заката, дышащимъ отравою фантастическихъ, горящихъ влеченій, когда старыя вѣдьмы наряжаютъ юныхъ продажныхъ красавицъ для безумныхъ взлетовъ въ какія-то дали и головокружительныхъ паденій въ бездну... Смутный хороводъ бѣшено-вьющихся тѣней несется въ этомъ мірѣ вина, крови, страсти, пытокъ, зла, тайны и влеченій. Но это міръ творчества. Это создано отвлеченной работой мозга. Здѣсь призраки созерцанія, принявшіе плоть и кровь. Здѣсь не чувствуется ни объективированія личныхъ переживаній, какъ у Ѳ. Сологуба, ни своеобразной смѣси теоретики и непосредственной сенсуальности, какъ у Пшибышевскаго.

Мучительнѣйшую загадку соединенія и разлада въ одномъ живомъ «я» двухъ мощныхъ сторонъ жизни пытается въ напряженномъ полуистерическомъ творчествѣ разгадать этотъ послѣдній. Загадка эроса сквозь призму духовности, странное сліяніе двухъ началъ, изъ которыхъ одно усиливаетъ и обостряетъ другое. Теоретика положена въ основу поэмъ и романовъ Пшибышевскаго. Онъ пишетъ къ нимъ предисловіе, гдѣ опредиленно ставитъ тезисъ: полъ, эросъ, разрабытываемый въ творчествѣ. Черты новой психической утонченности героя лишь усиливаютъ мистико-растительную основу жизни. Освобожденное отъ внѣшнихъ нормъ влеченіе ведетъ таинственнымъ путемъ къ «предустановленной» гармоніи, будучи въ тайномъ согласіи съ вершинами человѣческой духовности. «Исканіе» — вотъ творческій лозунгъ Пшибышевскаго. Какъ-будто нервные дрожащіе пальцы вьются вокругъ хитрыхъ сплетеній гордіева узла. То въ лирическомъ буйномъ пафосѣ, то съ энергіей смертельнаго отчаянія ищетъ онъ основную нить, запрятанную въ узлѣ эроса.

*

* *

На-ряду со всѣми этими писателями и художниками, находящими мотивы сатаническаго преступанія всѣхъ законовъ, всего освященнаго въ низинахъ плотскихъ переживаній,—любопытно встрѣтить спокойный обликъ русскаго художника, утверждающаго во всю свою литературную жизнь именно освобожденіе всего матеріала человѣческихъ чувствъ отъ какихъ-либо сверхчувственныхъ вліяній Бога или дьявола. Послѣдовательный реалистъ (я говорю о М. П. Арцыбашевѣ), онъ въ самые темные закоулки и извилины лабиринта человѣческихъ переживаній вноситъ трезвый и спокойный свѣтъ реалистическаго сознанія. Ни въ чемъ, что мы переживаемъ, нѣтъ ничего, что не было бы нашимъ, человѣческимъ, все тѣмъ же ограниченнымъ человѣческимъ, съ

чѣмъ мы живемъ. Кромѣ себя, человѣка, мы ничего въ нашей человѣческой жизни не встрѣчаемъ. Никакихъ иныхъ, высшихъ или низшихъ силъ. Хорошо это или плохо, но это такъ. Будемъ же считаться съ тѣмъ, что есть, не теряя времени на пустыя иллюзіи.

Но, утвердивъ, такъ сказать, автономность всѣхъ человѣческихъ переживаній, онъ въ области чувствъ пола и любви утверждалъ свободу, радость и полный свѣтъ сознанія этихъ переживаній, при которомъ ничего не надо трусливо скрывать, но все озаряется, наоборотъ, сильнымъ свѣтомъ простого, реалистически утвержденнаго и крѣпкаго существованія. Яркое выраженіе этого отношенія читатель найдетъ въ помѣщаемой здѣсь статьѣ самого автора «Санина» и «У послѣдней черты».

Н. Абрамовичъ.

Тип. Акц. О-ва изд. и печ. дѣла „Московское Издательство“, Б. Дмитровка, 26.

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія:

Москва: Б. Никитская, 12, книжн. магазинъ „Сотрудникъ Провинціи".
Петербургъ: Невскій, 55, кв. 14, книжн. складъ „Земля".
Одесса: Софійская, 32, Бсроховъ.
Саратовъ: Нѣмецкая, Волжское книжное агентство М. А. Перельмана.

BINDING LIST MAR 15 1953

556632

Сатанизмъ.

[Transliterated: Satanizm.]

L
S2532

NAME OF BORROWER.

DATE

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED